

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИВ. МАРТЫНОВ

Республика

в

П О В О Л Ж Ь Е

АССРНП К 15-й
ГОДОВЩИНЕ

ПАРТИЗДАТ
Ниже-Волжское Краевое Отделение
Сталинград 1933 г.

От автора

Очерки по народному хозяйству АССРНП, собранные в настоящей книжке, не претендуют на всесторонний показ хозяйства Республики Немцев Поволжья, на обстоятельный анализ истории развития республики.

Задача, поставленная автором—значительно скромнее: рассказать массовому читателю лишь о самых основных этапах интересного пути развития республики, кратко познакомить с сегодняшним состоянием народного хозяйства, показать отдельные, наиболее характерные участки колхозного производства.

Огромное политическое значение 15-летнего юбилея АССР Немцев Поволжья требует широкого ознакомления читателей рабочих и колхозников с основными этапами развития республики. Краткую характеристику этих этапов и найдет читатель в настоящей работе.

Все основные статистические данные в предлагаемой читателю книжке приведены по материалам Госплана АССРНП, специально разработанным к юбилею республики. (Сборник материалов Госплана опубликовывается НемГИЗ'ом).

Кроме материалов Госплана, к работе над настоящей книжкой автором привлечены следующие источники:

Э. Гросс — Авт. Соц. Сов. Респ. Немцев Поволжья. Издание НемГИЗ'а, г. Покровск, 1926 г.

Айрих — Очерки по истории рев. движения Республики Немцев Поволжья (печатается в НемГИЗ'е)

D. Schmidt. — Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen.

Основное количество публикуемых фото и документов — достояние госуд. музея в г. Энгельсе.

І. Про батраков и нищих

Экзотика в Заволжье

Видения далекой, незнакомой страны проходят перед зрителями. Душное дыхание Казахстана плещется по притихшей толпе. Экзотика тысячелетних древностей приторной жалостью ударяет по сердцам. Чудовищные башни качаются на улицах, выжженных солнцем. Муллы и дервиши раскрывают безмолвные рты. Нездешние женщины, с закрытыми лицами лениво щурятся и исчезают. Их сменяют ишаки, неправдоподобные стада баранов, базары с нищими, кальяном, пестрыми коврами, тканями.

Тут же за Казахстаном, за душной этой экзотикой расстилается необозримая заволжская ночь. Мерцают зеленые звезды, скользит по своей заоблачной дороге луна, льет она неяркое серебро на неоглядные пажити, на аккуратные стога соломы, на сеялки и тракторы, уснувшие на короткую ночь. Синяя августовская ночь остановила дневные труды людей. Она накрыла звездами уставшую молотилку, тучные горы намолоченного зерна и черные поля, ждущие пахоты и озимого сева.

Но люди еще не хотят спать. Тракторная бригада ремлеровского колхоза гуляет сейчас по душным улицам древнего Казахстана, и видит гибель дворцов, и гибель баев, и раскрепощение бесправной восточной женщины. „Знойное море“ — так называется фильм, увлекший сегодня отдыхающую бригаду,—фильм о старом и новом Казахстане.

Политотдельская передвижка стрекочет с однообразным упрямством. Уже исчезли дворцы и дервиши, уже женщины улыбаются всеми открытыми своими лицами, уже бегут по экрану школы и клубы, выстроенные советской властью, уже вышел на искалеченные кулачем степи знакомый „СТЗ“ и побеждая непокорность полей тяжело полз на полевых своих зрителей...

И вдруг неумолимый крик разорвал ночной покой, звезды, стрекот передвижки, сосредоточенную тишину полевой аудитории.

— Стой, — пронеслось над полями угрожающим криком, — стой, я тебе говорю! Крути назад!

Крик действовал гипнотически и киномеханик растерянно задержал ручку. Трактор со всеми прицепными орудиями замер и выжидаяще повис на экране.

Тогда, расталкивая толпу, к полотну протиснулся старший тракторист Вернер и заскорuzлыми пальцами стал ощупывать тракторную тень.

— Крути назад, — снова угрожающе приказал он механику.

И тот, не освободившийся еще от гипнотического влияния исступленного крика торопливо повторил кадр.

— Тише крути, тише! Назад давай, - приказывал Вернер, и щупал полотно, и разводил руками, и тихонько чему-то посмеивался.

— Тронулся парень-то, — сказал кто-то из толпы трактористов, заинтересовавшейся необычайной сценой. Так и есть, совсем рехнулся.

— Ничего и не тронулся, - сказал через несколько минут другой, — а я понял чего он ищет.

— Понял? — подхватил Вернер знакомый голос и повернулся к аудитории. — Ты подожди крутить, подожди, успеешь выспаться — уже миролюбиво заметил он кино-механику.

— Попил? Тут, брат, замечательнейшая штука накручена. Видал

тракторный прицеп. Это чего прицеплено? Двадцатичетырехрядка, да две конных. А ведь это захват вдвое получается. Понял? Ведь это же до того наглядно, что не пройдешь мимо.

Трактористы потянулись к Вернеру. Они обступили полотно, ощупывали контуры сцеплений, отдавали коллективные приказания механику и едва не растоптали зыбкое полотно.

Экзотические башни и муллы были забыты. Случайный кадр сева на знакомом тракторе „СТЗ“ в далеком незнакомом Казахстане, по почину Вернера заинтересовал всех.

Казахстан был тщательно ошупан всей бригадой. И было много руготни по тому поводу, что временами гасла лампочка передвижки и перед трактористами на минуту тускло серело пустое полотно, без полей, без трактора, без прицепа. Но лампочка загоралась вновь, и вновь по воле бригады ворочался на полотне тяжелый трактор и трактористы уже слышали его пыхтенье и клекот болтов на сцеплениях и ясно осязали мерцающие эти болты, и весь ясный порядок широкозахватного прицепа.

В эту ночь не было, кажется, ни одного голоса, пожалевшего о том, что так иступленно кричал Вернер и что необычайный кино-сеанс затянулся далеко за полночь.

Вместо 14 — 24

На другой день далекий Казахстан был одомашнен и приручен. Случайный кадр о далеком востоке перешел на просторные поля ремлеровского колхоза.

Случая, описанный выше, не выдуман. Он произошел 29 августа в тракторной бригаде ремлеровского колхоза, Маркшгадского кантона, на полевом кино-сеансе, организованном политотделом Унтервальденской МТС. В конце августа в колхозе Ремлер только еще начинался осенний сев. Он проходил трудно, потому что в колхозе плохо с тяговой силой, потому что основная площадь осеннего сева (1250 га) ложилась на маленький отряд тракторов МТС, работающий на полях Ремлера. Правда, об этом отряде ничего нельзя сказать плохого, трактористы даже перевыполняли нормы, но за трактором ходила всегдашняя двадцатичетырехрядка и больше 14—15 га в день никак не получалось.

И вот тогда хозяйский глаз тракториста Вернера вцепился в экзотический восток. Он подсмотрел на кино-полотне рационализаторский прием, предвещающий скорую, уверенную победу и перебросил кинокадр на поля своего колхоза. Тракторы пошли с основной своей сеялкой и двумя конными. Производительность резко скакнула вверх, дав перевыполнение нормы на 70%. Вместо 14 га тракторы стали засеивать по 24 га и осенний сев в Ремлере был полностью закончен на 20 сентября. Тракторы переключились на вспашку зяби.

Еще немного цифр

На осеннем севе в колхозе Ремлер победил хозяйский глаз, сумевший из немудрой кино-картины извлечь конкретную для себя пользу, перенять и освоить существенный рационализаторский прием. Этот хозяйский глаз стал победителем и на других колхозных участках.

План хлебосдачи выполнен колхозом по всем культурам на 30 августа (4.373,82 центнера).

Натуроплата МТС сдана на 1 октября полностью (1.040,36 центнера).
Колхоз целиком покрыл большую задолженность по семссуде за 1932 год (773 центнера).

Покрыта задолженность по семссуде 1933 года (136,56 центнера).

Засыпан двухпроцентным учительский фонд. Засыпаны семена.

И в результате:

Колхозники получают на трудодень по 7 килограммов зерна, не считая овощей, картошки, бахчевых и прочего.

Об известности Ремлера и о зажиточной жизни

Может быть это лучший колхоз в Немреспублике? Может быть он давно на всесоюзной красной доске и является законной гордостью республики?

Нет, он еще не на всесоюзной доске. И он очень далеко не лучший. В нем пока хватает и недостатков и промахов. Лучшие — это «Галка», „Бекердорф“, „Визенфельд“ и ряд других. Имена этих колхозов далеко известны по республике, по краю, о них много написано в газетах, — до этих колхозов пока еще далеко Ремлеру.

Хотя и Ремлер тоже, в некотором роде, республике известен. И известен главным образом по прошлому 1932-му году. Ибо в прошлом году чуть не всякий оратор и едва ли не каждая газетная статья, повествующие о колхозных недостатках — приводили в пример Ремлер. Где хуже всего с хлебозаготовками — в Ремлере; где больше всего лодырей — в Ремлере; где неоглядные потери лишают колхозника доходов — опять в Ремлере.

Так и повелось в прошлом году. В речах ораторов и в газетных статьях: самый худший колхоз в республике Ремлер. Известность печальная.

Известен этот колхоз и другой своей стороной. Село — Ремлер издавна было самым забитым и темным католическим селом. 60 процентов его населения до революции батрачили и нищенствовали. В старое время даже укрепилась такая обидная кличка в немецких селах «нищий из Ремлер». Кличка, действительно, обидная, а древние понятия добра и зла еще с сильны, и нынешние ремлеровские колхозники никак не признаются теперь чужому человеку, что и в самом деле многие из них до революции, да и ряд лет после Октября побирались, попрошайничали — тем и жили.

Да, Ремлер далеко известен. Тяжкое капиталистическое прошлое, приводившее к вырождению немецкие села, особенно долгий и памятный след оставило на этом селе. А невыкорчеванные остатки прошлого создали в 1932 году колхозу Ремлер репутацию худшего в республике.

И вот нынешним колхозный год с исчерпывающей очевидностью открыл перед бывшими батраками и нищими ясную перспективу зажиточной жизни. Конечно, нынешний год не есть какая-то чудовищная неожиданность. Колхоз в Ремлере существует с 1930 года. За эти годы выковалось уже крепкое колхозное ядро, вырос такой актив, который умеет для своего колхоза использовать даже кино-фильмы. Но этот актив не редко растворялся в массе лодырей, одолевали его иногда и смиренные католики с крепким кулацким душком. Актив не был организован. Каждый бился в одиночку и случалось опускал руки перед страшными традициями прошлого. Таковы и Бах, и Симон Барон, и Петр Кирхкорснер, и Екатерина Гааг и бывший колхозный бригадир, ныне председатель сельсовета, Лимбах и многие другие.

Шрейнер, председатель колхоза, говорит по этому поводу замечательные вещи.

— Мы знали, конечно, друг друга и были нам известны на перечет и лодыри и ударники. Но мы все опасались обиды. Больные свои органы не отсекали. Активность наших ударников была больше внутренняя. Каждый сам с собой соревновался. И вот весной политотдел направил нас на дорогу.

И он начинает рассказ о политотделе, рассказ, заключающийся в восторженных междометиях.

Шрейнер председательствует около года. До революции он семь лет отработал в батраках, после революции почти непрерывно был на отхожем промысле, затем рабочим на Северо-Кавказской железной дороге. Был одно время председателем сельсовета в Ремлере.

— Народ у нас крепкий, работать может, батрацкую школу чуть не все прошли. И вот теперь вся наша задача — сделать этот народ из батраков хозяевами. Чтобы не оглядывался по сторонам, не бегал от работы, как бывало раньше, не смотрел, где чего плохо лежит, а сам себя хозяином чувствовал везде и во всем. Ведь зажиточная жизнь в каждую колхозную хату стучится.

И вот вам этот конкретный стук в каждую колхозную хату. У вдовы Екатерины Гааг трое детей: сын девятнадцати лет и два малыша, которые ходят в школу. Мать и сын работают в колхозе. Оба в бригаде. Крепко, хорошо работают. Выработали они вдвоем 350 трудодней. Это значит 2450 кг, или 178 пудов хлеба, не считая всего прочего.

РАСТЕТ СМЕНА.

**Вверху – утренняя зарядка в пионерлагере.
В центре – обед в детских яслях галкинского колхоза.
Внизу - детские ясли в колхозе Бекердорф.**

В прошлом году сына, Альвиса Гааг за хорошую работу премировали телкой. В нынешнем году во дворе вдовы уже корова, на днях ждут отела. Появились и куры, осенью с колхозной фермы получаю поросенка. А до колхоза вдова Гааг побиралась, жила объедками с чужого стола, чуть не переморила ребятишек. В нынешнем году она выведет на колхозный базар не один воз хлеба и не отстанет от соседей ни в нарядах, ни в достатке.

Или возьмем семью Ивана Панкратовича Риделя. В семье 8 душ, из них 5 рабочих. Сам Ридель работает ремонтником в тракторной бригаде, 3 сына в полевых бригадах, сноха Елена, жена старшего сына — трактористка, она ударница, имеет самое большое число трудодней. Старуха дома с ребятами, но иногда и она, управившись по дому — работает на табачной плантации.

Семья выработала 800 трудодней и получает 350 пудов хлеба. Семья обеспечена сытая, зажиточная жизнь.

Эти примеры можно продолжить до бесконечности. Они упрямо подтверждают закон о том, что труженик, честно работающий в колхозе в самый короткий срок может действительно стать зажиточным.

„А каждый по килограмму — обеднеет?“

Чувство хозяйской ответственности за общественное колхозное добро, бережливость к нему, вырастает упрямо и ощутимо. Уходят батрацкие навыки капиталистического прошлого, исчезает желание урвать, где плохо лежит, уходит мелкособственническая круговая порука. Уже не покрывают колхозники лодырей и уже не смотрят сквозь пальцы на человека, „невзначай“ набившего карманы общественной пшеницей.

По этому поводу припоминается случай из жизни 8 бригады (теперь юна просто именуется тракторным станом, ибо в колхозе оставлено только 6 бригад, по числу полей севооборота). Случай развернулся так.

Бригада завтракала. Жирный наваристый суп был уже разлит в миски, хлеб намазан маслом (каждый колхозник в этом году ест свой хлебе маслом), бригада перекидывалась словечками по поводу ладно начавшегося обколота. В стороне за стогами высилась золотая гора намолоченной пшеницы, бригадники поглядывали на нее и смеялись. Иван Гааг несколько -запоздал к завтраку. Придя на стан, он смиренно подсел к супу и все увидели, как из его кармана высыпалось несколько зерен пшеницы. Карманы были тугими, раскормленными, — топорщились и выдавали Гаага с головой.

— Чевой-то у тебя там?—спросил бесстрастно бригадир.

Гааг промолчал и сконфуженно улыбнулся.

— Ты не смейся, — сказал другой тракторист, — не смейся, ничего тут смешного нет. Ты выворачивай карманы.

Гааг стал быстро говорить о том, что ничего в этом плохого нет, что ведь насыпал он из свежей пшеницы не больше килограмма, что все равно колхоз от этого не обеднеет, а он Гааг Иван сварит кашу и «уже если вы хотите, я засыплю ее в общий котел».

- А-а килограмм! Не обеднеет! А каждый по килограмму – сто килограмм – обеднеет? Высыпай к чертовой матери.

Тут же в поле, прервав завтрак устроили суд, Гааг был из тех, что сбежались с разных концов края и республики к уборочной кампании, прослышав про сытую жизнь, из тех, которые давали торжественное

обещание работать честно и быть примерными. Гаг работал не плохо и пошатнулся впервые.

- Вот, - сказал в результате обмена мнениями бригадир, - вот лежат там в сторонке твои пожитки, забирай их и ступай в правление пешком.

До правления было 30 верст, Гаг медлил.

Сейчас же, повторил бригадир, почувствуй на себе ответственность за проведение решения бригады, - бери сейчас же свои пожитки и пока мы не начали работать ступай отсюда.

- Чтобы все видели, за что ты снятый с работы и за что тебе такая доля – добавил другой колхозник.

Ему помогли собрать барахло, направили его на дорогу и Иван Гаг, лишенный труда и доверия, побрел через все звенья своей бригады, мимо других бригад, работающих в поле, через все длинные 30 верст, через тридцать верст колхозного труда к запертому правлению, ибо председатель и секретарь были тоже в поле, на работах.

Вечером, когда собралось правление, было решено временно исключить Ивана Гага из колхоза.

Он проходил бед работы месяц, тяжелый, одинокий месяц в разгар нарастающих трудней, в стороне от большой дороги к зажиточной жизни.

Через месяц он получил работу. Теперь он строит саманный коровник для колхозной фермы. На строительстве он лучший ударник. И ничего худого о нем теперь не скажешь.

* * *

И не только нарастает чувство ответственности за свое колхозное добро, оно ширится дальше, оно дополняется заботой за государственное достояние вообще. Вырастает заботливый хозяин **своей** республики, **своего** государственного хозяйства.

В этом отношении знаменателен случай с Петром Кирхкерснером, караульщиком бахчей, демобилизованным красноармейцем. Ночью карауля свой участок, расположенный возле проезжей дороги — он заметил двух человек, проходящих мимо. Люди эти несли тяжелые чемоданы и осторожно поглядывали по сторонам. Их ноша и их повадки показались караульщику подозрительными. Он остановил их и потребовал показать содержимое чемоданов. В чемодане обнаружилось награбленное имущество из соседнего села Шейнхен. Были, между прочим, и поповские рясы — воры ограбили по пути и церковь.

Их обеих Кирхкерснер доставил в свой сельсовет и утром они были переданы районной милиции. Люди эти оказались бандитами рецидивистами.

Здесь, конечно, незаурядный пример мужества и высокой общественной сознательности. Об этом случае в колхозе рассказывают легенды. И не мудрено. Ведь Петр Кирхкерснер был один, без оружия и все-таки сумел заставить бандитов подчиниться.

Этот факт - прямое доказательство того, что уже растут среди колхозного актива эти мужественные, высокосознательные борцы за общественное добро, за неприкосновенность социалистической собственности.

«Das Brot hat kaum ausgereicht»

Отчетливый, покоряющий ритм звенит в каждом движении. Взлетают вилы и тяжелый ржаной сноп покорно ложится на помост молотилки. Женщина взмахивает сверкающим серпом, высокий подавальщик чуть наклоняет корпус и звонкие колосья ржи сосредоточенно ползут на зубья барабана.

И вот уже льется внизу душистое зерна и женщины загребают его полные ведра и спешат к весовщику комсомольцу Баху. Они до краев насыпают бадью весов, очередные 65 килограммов и ставят свой порядковый крестик на белом листке бумаги, приклеенном к весовому столбу. Бах вписывает килограммы в разграфленную учетную тетрадь. Сейчас раннее утро. На столбе нарисовано уже 6 крестиков, в учетной тетрадке Баха вписано 390 килограммов.

Молотьба подвигается к концу.

Над током, над молотилкой, над людьми, увлеченными ритмом работы прозрачная голубизна сентябрьского неба и оранжевые разливы солнца, и золото стогов и клетот гусей, улетающих на зимовку.

С нами толкует бригадир — Симон Барон, демобилизованный красноармеец.

- Кончаем, — говорит он и скалит белые зубы, неожиданные на законченном рисунке его лица. Барон служил в Энгельсском пехотном полку, но он похож на моряка — такая у него сбитая, плотная, ладная фигура, у него прекрасная улыбка и непобедимые вихры волос, вылезавшие из-под заломленной фуражки.

Между делом Симон рассказывает свою жизнь. С тринадцати лет он жил в батраках у ремлеровского кулака однофамильца Симона. Он нанялся на 5 лет и за этот срок, по устному договору с хозяином, должен был получить: лошадь, корову, свинью и пять штук овец. Кроме того, хозяин обещал устроить свадьбу.

— Ну и как, получил?

Симон смеется.

Все было сделано по правилам, он честно отработал свои пять лет и за батрацкую его работу хозяин разрешил ему сыграть свадьбу в своем кулацком доме. Ну, купил, конечно, и водки, сварил пива, поднес молодой копеечный подарок. Лошади же в ту пору подходящей не оказалось. Не фигурировали в расчетах и корова, и свинья, и овцы. Все это и «подходящее» и «неподходящее» осталось у хозяина. А у Симона остались те же руки, да еще жена из такой же голытьбы как и он сам.

После Красной армии, вот уже два года Симон бригадиром в колхозе. Вместе с женой (а она из за 2-х ребятишек работала мало) они выработали 250 трудодней. А это значит 110 пудов хлеба. У Симона уже есть корова, есть полное хозяйство, заработанное в колхозе.

- Теперь я самый настоящий зажиточный. У меня всего хватает.

И он говорит еще о колхозном наряде, организованном в этом году при помощи политотдела, о школе, где будут учиться его ребятишки и о бане, которая выстроена к пятнадцатилетию республики тоже по почину политотдела. Это все его, Симона Барона, бывшего батрака, никогда не имевшего никакой собственности.

Школа и клуб — это уже давно, а вот баня, - это, действительно достижение! Таково мнение Барона.

Читателю это мнение может показаться странным. Баня и вдруг достижение для немецкого села. Да, это одно из самых серьезных достижений. «Культурные» немецкие села, в условиях царской действительности привыкли обходиться без бань. Экономика рабского прошлого не допускала такой роскоши. Даже в бывшем центре немцев Поволжья Екатериненштадте (теперь Марксштадт), не было бани. Кто побогаче ездил в торжественные дни мыться за Волгу в русские бани. А беднота обходилась и так. Теперь Марксштадт имеет прекрасную баню («лучше Саратовской» — говорят в республике), работающую ежедневно. Но она выстроена уже в Марксштадте, выстроена советским коммунальным хозяйством.

Опять о Симоне Бароне. В его бригаде на молотье 35 человек. Одно звено сейчас — на вспашке зяби.

— Бригада работает ничего, — меньше 200 трудодней никто не имеет. А вот он, Бауэр, — Симон показывает на высокого худощавого колхозника, — этот ударник, — у него 300 трудодней выработано.

В бригаде объявлен перерыв на завтрак.

К нам подходит Бауэр, старый колхозник и неторопливо рассказывает о своих доходах.

Действительно, у него уже выработано 300 трудодней. До конца года он надеется выработать еще не менее ста. У него семья 6 человек: старуха мать, жена, двое детей и тринадцатилетняя сестренка. Сестренка тоже выгоняет трудодни. В порядке аванса Бауэр уже получил 80 пудов хлеба.

— Еще получу не менее 50 центнеров.

- Куда дену такую гору хлеба? — Он смеется. — Центнеров 30 думаю отвезти на колхозный базар. Потом надо обязательно купить корову и свинью. Это уже мы с женой решили.

Бауэр знает, что колхоз получил 2500 рублей на покупку телят. Знает, что 11 телят выделяется в этом году для колхозников с фермы (на ферме 50 дойных коров), что 53 головы законтрактованы для колхоза на Средней Волге, но он хочет сразу купить тельную породистую корову.

- Чего же ждать, раз у меня есть средства? При теперешней моей жизни я легко могу и корову, и свинью, да и овцу купить.

И он вспоминает о том, как жил раньше, до революции, до колхоза.

- Никогда, ничего, кроме лошади, не имел. Коровы никогда не было. С хлебом тоже очень туго было.

- Das Brot hat kaum ausgereicht *) говорит он и колхозники сочувственно смеются.

Завтрак уже готов, он далеко разносит вкусные свои запахи. Бауэр достает пшеничный хлеб и садится к полевому столу.

Гуси давно пролетели. Ток окружен сияющей прозрачной голубизной, земля похожа на чисто вымытый пол, блестящий под солнцем. Над током разлит бирюзовый покой и плотный уют колхозного завтрака.

И сами собой за завтраком, под золотом приземистых сулонов хлеба завязываются разговоры о прошлом. О далеких днях переселения, об империалистической войне, о страшной жизни под скипетрами российских самодержцев, о гражданской войне, о контрреволюции, о голоде 21 года — о всем том необычайно тяжком пути, который прошли трудящиеся немцы Поволжья к своей социалистической республике, к колхозной зажиточной жизни.

II. От колоний – к республике

Страницы далекого прошлого

Путь от полного бесправья, от забитой переселенческой жизни, от трахомы и цинги, от церковного «петушка», по которому учились и познавали мир целые поколения переселенцев - немцев, путь к социалистической республике и зажиточной жизни необычайно тяжел.

По обеим берегам Волги раскинулись села Немецкого Поволжья. Больше полутора веков вели эти села яростную борьбу за существование, за возможность есть свой хлеб, сохранить свои национальные обычаи, сохранить отведенную им в начале землю. Борьба эта принесла ничтожные результаты. В течение полутора лет, до Октябрьской революции, немцы колонисты не могли даже

создать своего культурно-хозяйственного центра. Не могли закрепить на поволжской земле даже всех тех, кто переехал по предложению царицы Екатерины. Огромное количество переселенцев не выдерживали тягот русского самодержавия и разбежались кто куда мог. Бежали — на «лучшие» земли Кавказа, Сибири, Туркестана, массами эмигрировали в Америку. К Октябрю в Америке поволжских немцев было не меньше, чем на Волге.

Переселение немцев, из разрозненной, разноплеменной Германии началось по «всемиловитейшему» указу Екатерины II-ой. Это была середина XVIII века, когда Саратовский район представлял собой дикий, полупустынный край. Императорские манифесты, изданные - первый в 1762 году и второй в 1763 г. обещали переселенцам самые разнообразные льготы. Тут было обеспечено и нормальное правовое положение и увеличенный надел земли (всего около 30 десятин на хозяйство) и льготы на обзаведение хозяйством.

Манифест этот был продиктован волей нарастающего торгового капитала, стремящегося на восток. Волга была великим и единственным тогда торговым путем на Восток. Нужна была срочная колонизация пустынных берегов Волги, которая могла бы охранить торговый путь от набегов кочевников. Кроме того, развивающийся тогда экспорт русского хлеба требовал освоения новых целинных земель и приволжские степи обещали новые доходы растущей хлебной торговле.

Екатерининский манифест, сулящий многочисленные льготы, попал на благодарную почву. Германия, истерзанная семилетней войной, разоренная разрухой не могла прокормить своего населения. Образовались огромные массы людей, лишенных всяких средств производства, всяких источников существования. Царский манифест и специальные вербовщики, посланные в Германию оказались кстати. Тысячи народа двинулись в дикую Московию за счастьем, за лучшей долей. За какие-нибудь 5-10 лет на Волгу

переселилось свыше 8000 семей, образовавших первые 106 колоний – сел.

Новая родина сурово встретила переселенцев. Разноплеменный состав колоний, люди разных профессий попали в неизвестный край, где было разрешено только занятие земледелием, где было запрещено всякое передвижение по территории империи, где переселенческими договорами была категорически запрещена реэмиграция.

Суровая зима, голод, болезни обрушились на колонистов. Набеги кочевников, не прекращавшиеся в течение первых двадцати лет уничтожали целые села. Кочевники, борющиеся с московским владычеством, встретившие неожиданную преграду – новые колонии, угоняли переселенцев в рабство в Хиву и Бухару, вырезали семьи и общества.

Многие пытались бежать со страшных земель, но здесь уже выступало со всеми своими законами и беззаконными русское самодержавие. В народных сказаниях и песнях немцев-колонистов сохранилось еще предание об «Острове Смерти» (под Маркштадтом), куда обманным путем была завлечена и вырезана одна немецкая община, искавшая выхода в реэмиграции.

Только после устройства уральской охранной линии (1775 г.) несколько уменьшились набеги и стало спокойнее на Волге. Первый урожайный год (1775) вселил некоторые надежды на лучшие времена.

Но последующие годы для большинства переселенческого населения не принесли никаких улучшений. Жизнь, условия труда колонистов, по существу, ничем не отличались от крепостных крестьян, хотя они и не были крепостными.

Правда, в начале была создана некоторая видимость самоуправления. Саратовская «контора опекунства иностранных переселенцев» допускала выборы сельских должностных лиц из немцев и допускала вести делопроизводство и школьное воспитание на немецком языке.

Но и эта видимость самоуправления была ликвидирована. Уже в начале XIX века начались всякие правовые, ограничения, а в 1871 году не работавшая по существу «контора опекунства» была официально ликвидирована, колонисты были разобщены, разбиты по разным губерниям и уездам, подчинены на общих основаниях местным органам управления и переименованы в «поселян собственников». Наконец, с 1874 года «поселяне-собственники» объявлены подлежащими всеобщей воинской повинности, от которой они были освобождены в свое время манифестом Екатерины.

Так были еще в XIX веке официально лишены всяких особых «прав» немцы колонисты. Если прибавить к этому, что неофициально, по существу они были лишены этих «прав» с момента переселения - то станут ясны все тяготы этого массового переселения на Волгу, все несказанные трудности освоения новых незнакомых земель.

«Право сильного»

Сказанное выше уже заставляет думать о том, как же велико было классовое расслоение в царских немецких колониях, как неизбежно, в условиях самодержавной кабалы один должен был пробивать себе дорогу к лучшей жизни за счет многих других, как широко здесь применялось капиталистическое право экономически сильного.

Вопрос законный и история немецких колоний раскрывает перед нами почти беспримерные картины классового расслоения.

Первые немецкие села расположились на нагорной и луговой стороне Волги, вдоль рек: Карамыш, Иловля, Караман. Села расположились тесно на лучших землях, боясь сухой, безводной степи и не будучи в состоянии справиться со всей отведенной им землей. К 40 годам XIX века обнаружилась большая теснота и скученность населения колоний. Царское правительство занялось к этому времени широким расселением немцев по безлюдной заволжской степи. Следует напомнить, что свыше четверти крестьянских хозяйств не имело никакой тягловой силы. Свыше одной пятой не имело коровы.

Расселение, без всяких средств производства ускорило обнищание и разорение хозяйства. Люди бросали дома, землю, несложный сельскохозяйственный инвентарь и уходили куда глаза глядят.

Удерживались только экономически сильные, только верхушечная часть (села, увеличивающая свои посевы за счет обнищавшего крестьянства.

В одном из изданий Новоузенского земства *) (района колонистов) мы находим следующую запись:

«Это посевы нескольких сельских богатеев, они скулили надельные бесхозяйственных и покинувших село односельцев, прихватили сиротские надельные, округлили все это в площади внушительного размера».

И вот за счет тысяч разорившихся «поселян-собственников» начинает расти и крепнуть кулацкая верхушка немецких колонистов. С 70-80 годов XIX века вырастает крупная немецкая буржуазия, захватившая огромные площади купчей и арендной земли, широко использующая дешевые рабочие руки, организующая средневековые производства ткачества. Так вырастает знаменитое производство сарпинки, основанное на домашнем ткацком ремесле, сосредоточенное в руках отдельных промышленных пауке в, так вырастали хозяйства землевладельцев посевищиков.

В. И. Ленин в своем великом труде «Развитие капитализма в России» подвергает специальному анализу Новоузенский и Камышинский уезды, как наиболее ярко показывающие пути развития капитализма. Эти уезды представляют собой основную территорию нынешней Республики Немцев Поволжья.

Новоузенский «район является наиболее типичным районом земледельческого капитализма в России» (Ленин, т. III стр. 196).

Не надо забывать, что районы немецких поселений не имели крепостников-феодалов, не имели консервативных традиций помещичьего землепользования. Развитие капитализма в этих районах выступает в наиболее обнаженной своей форме.

«Эти наиболее свободно развивающиеся колонии показывают нам какие отношения могли бы и должны бы были развиваться и в остальной России, если бы многочисленные остатки дореформенного быта не сдерживали капитализма» (Ленин, т. III, стр. 197).

В результате мы видим, как в конце XIX века группа хозяйств крупной сельской буржуазии (составляющая 7,6% от всех хозяйств Новоузенского уезда), захватила в свои руки 36,5% всей посевной площади – ровно столько же, сколько имели и 75,3% всего бедняцко-средняцкогo крестьянства, вместе взятого. Вся же богатая группа (от 5 до 20 и более голов рабочего скота) составлявшая 24,7% ко всему населению, владела 63,4% всей посевной площади. А бедняцкая группа – 37,1% населения уезда имела всего лишь 8% посевов.

*) «Новоузенский уезд в естественно-историческом и хозяйственном отношении», часть II.

К этому следует добавить, что в руках крупной сельской буржуазии, в руках кулачества были сосредоточены основные средства производственный сельскохозяйственный инвентарь и машины.

Отсюда со всей наглядностью видно, как на разорении тысяч мелких крестьянских хозяйств вырастали крупнейшие землевладельцы.

Крестьянские движения, охватившие к 1905-6 году почти все губернии России нашли свое прямое выражение и в районах немецких колоний. Столыпинская земельная реформа вызвала нарастание борьбы и против крупной буржуазии и против кулачества. Практическое проведение реформы: нарезка земли отрубов и хуторов на лучших общинных землях для колонистского кулачества вызвала на территории Новоузенского и Камышинского уездов крестьянские восстания.

Отрубная и хуторская система охватила около 50% общинной земли Немцев Поволжья, усилив дальнейшее классовое расслоение.

Характер хозяйства

Условия многоземелья и неограниченной аренды, дешевые рабочие руки и повышающиеся цены на хлеб на внутреннем и мировом рынке обусловили хищническое землепользование, ведение одностороннего земельно-пшеничного хозяйства. Сельская немецкая буржуазия не заботилась о подъеме урожайности. Совершенно бессистемно распахивались целинные залежи; ряд лет на одной на одной и той же земле сеялась пшеница и когда земля была истощена, ее бросали и запахивали другие участки. По данным 1888 года свыше 84% всей посевной площади было занято под пшеницу и только 15% под рожь.

Животноводством почти совсем не интересовались. Экстенсивное лесопастбищное животноводство в конце XIX и в начале XX века не давало выше 15% выхода товарной продукции, 85% ложилось на зерно. Рабочий скот составлял больше 50% от всего скота хозяйства.

Казалось бы, что распашка целинных земель должна дать относительно высокие урожаи. Но статистические данные резко противоречат этому предположению. За период с 1898 года до 1904 средний урожай ржи не поднимался выше 30 пудов с десятины, давая в среднем 20-21 пуд. Средний урожай пшеницы колебался в этих же примерно цифрах.

Урожайность предвоенных и военных лет по ржи и пшенице была следующая, (в процентах):

	Рожь	Пшеница
1911 г.	2,5	2,29
1912	2,82	3,15
1913	6,38	5,99
1914	4,27	4,14
1915	5,89	5,54
1916	4,53	3,51

Еще хуже обстояло дело с продуктивностью животноводства.

* * *

Такое же примерно качество было и в промышленности немцев Поволжья. До самых дней Октябрьской революции она сохранила свой древний кустарный характер, основанный на копеечной оплате труда

разоренного немецкого крестьянства. Плетение корзин, выделка кустарным способом веялок, несколько мельниц и сарпинковая домашняя мануфактура — вот в основном, что представляла собой дореволюционная немецкая «промышленность». Правда, незадолго до революции намечался частичный переход к следующей ступени развития. В Бальцере были построены две небольшие хлопчатобумажные фабрики, в Покровске в 1914 году открыта первая чисто-товарная мельница. Работал в Маркштадте кустарный «завод земледельческих машин и орудий бр. Шеффер», имевший 300 чел. рабочих и обслуживающий исключительно местный внутренний рынок.

Выход на широкий рынок имела, только сарпинка. Немецкие капиталисты, не заводившие фабрик успешно конкурировали с русскими заводчиками, ибо за пятнадцатичасовой рабочий день ткач-немец получал 40 копеек.

На чудовищной эксплуатации обезземеленного, обнищавшего крестьянства развивался немецкий земледельческий и промышленный капитализм.

Тяжесть эксплуатации, разнообразные ее формы помнят еще и в сегодняшних республиканских немецких селах. Батрацкую школу крупнейших землевладельцев прошли сегодняшние организаторы и руководители колхозов: Липерт, Финк, Ротельмель, Кобзарь (Федоровский кантон); Пшеничный, Пуствойтов, Либих (Энгельсский кантон); Эзау, Бир (Зельманский кантон) и многие другие. Тяжкая эта память еще долго будет жить в немецких селах.

Под угрозой изгнания

Империалистическая война вырвала огромную армию рабочих рук из немецкого Поволжья. Война окружила немецкие колонии волной шовинистического недоверия, война прошла по республике черносотенными погромами, новыми тягчайшими правовыми ограничениями, оголтелой травлей и клеветой.

Немцев не посылали на западный фронт. Все они направлялись на кавказский фронт и говорят, что Эрзерум был взят одними немцами. Бывшие участники империалистической войны рассказывают, что и на кавказском фронте они были поставлены в совершенно особые от русских условия. Малейшее уклонение от дисциплинарного устава влекло обвинение в шпионаже и полевой суд.

Грязный кулак российского самодержавного шовинизма опустил на немецкие села и на их сыновей, проливающих кровь «за царя и отечество».

Перед лицом военных поражений, для поддержания русского патриотического духа, самодержавие подготавливало полное уничтожение немецких колоний.

В «особом журнале совета министров» в начале 1915 года на доклад царю мы находим следующую запись:

«О некоторых, вызываемых военными обстоятельствами мерах по сокращению иностранного землевладения и землепользования в государстве Российском».

«Бывший Киевский, Волынский и Подольский генерал-губернатор и генерал-адъютант Тренов представил Вашему императорскому Величеству всеподданнейшую записку, в коей, отмечая последовательное и неуклонное развитие немецкой колонизации в пределах Юго-Западного края указывает на особливую, с государственной точки зрения, настоятельность положить предел такому явлению в смысле не только прекращения дальнейшего

расширения немецкого землевладения, но и ликвидацию существующего...»

На этом похабном документе сделана надпись:

«Собственно Его императорского Величества рукою начертано «Согласен». В Царском селе 2 февраля 1915 года».

Уничтожение немецких колоний подготовлялось повсеместное. И когда в 1915 году немецкая буржуазия собралась с большой помпой отпраздновать 150-летний юбилей переселения, чтобы выразить этим празднованием верноподданейшие чувства русскому царю и добиться некоторых государственных льгот, — указа о царских милостях не вышло.

На подхалимскую благодарность своих верноподданных царь ответил указом о выселении всех немцев Поволжья в Сибирь. Ликвидация немецких хозяйств и самое изгнание из Поволжья должно было произойти в апреле 1917 года. 7 февраля 1917 года был издан новый указ о начале переселения и разгрома всего немецкого хозяйства.

Февральская революция приостановила выполнение царского указа, а когда к Керенскому отправилась специальная делегация с просьбой об отмене указа о переселении, он оказался в состоянии ответить лишь следующее: «действие указа будет приостановлено».

И только Октябрьская революция отменила и уничтожила раз и навсегда все царские указы и открыла широкую дорогу, создала условия национальному самоопределению немцев Поволжья и всем другим, многочисленным национальным меньшинствам страны.

Автономия в огненном кольце

Империалистическая война и следующая за ней гражданская прошли тяжелым ударом по хозяйству немцев Поволжья. Только за два года войны (1914-1915) посевная площадь уменьшилась на 256235 га (1914 - 1295643 га; 1916 - 1039408 га). К Октябрьской революции посевная площадь сократилась почти вдвое. Больше чем на половину уменьшилось количество скота. Изменился и сам характер посевов. Значительно вырос удельный вес ржи, требующей меньшей затраты рабочих рук.

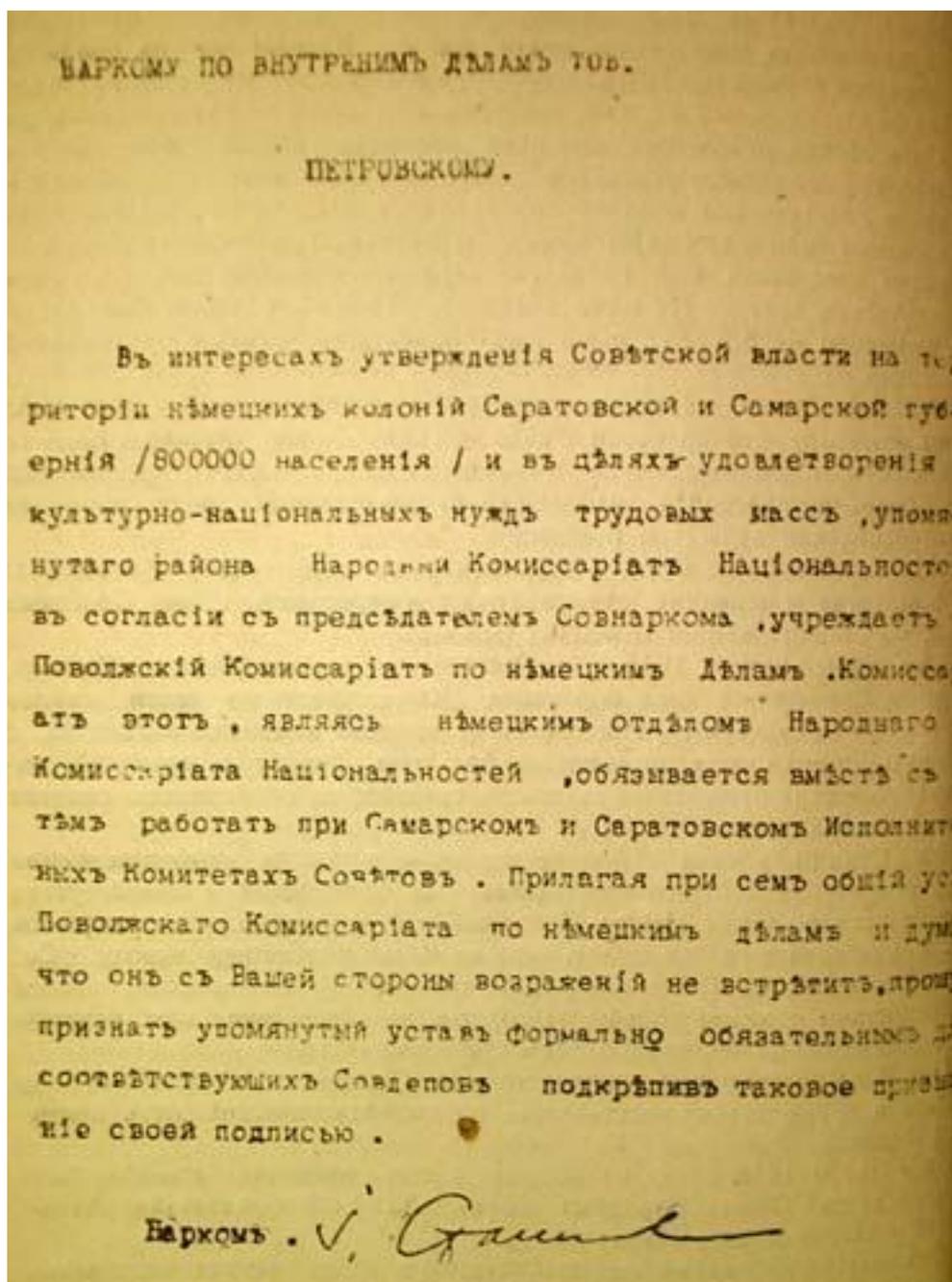
Октябрьская революция открыла широкую дорогу для развития и подъема бедняцко-средняцких хозяйств немецких колоний. Освободив трудовое крестьянство колоний от эксплуатации, ликвидировав закон об изгнании немцев с Поволжья, Октябрьская революция передала немецким крестьянам 480 тысяч га церковно-монастырских и частновладельческих земель. На одно хозяйство земельный надел был увеличен в среднем на 5,5 га, плюс весь инвентарь, изъятый у сельской буржуазии.

Немецкая буржуазия не раз пыталась захватить власть в свои руки, вплоть до того, что на своем съезде в Привальном (начало 1918 г.) капиталисты и землевладельцы провозгласили «советскую» автономию (без «социалистической»), избрали свой центральный совет и от его имени отравили делегатов в Москву.

Но параллельно с этим, «союз немецких социалистов» (в который входили тогда и немецкие коммунисты) вел переговоры с тов. Сталиным о путях самоопределения немецких районов.

Еще ранней весной 1918 г. в Саратове, по инициативе тов. Сталина, декретом Совнаркома был образован «Комиссариат по делам немцев Поволжья». Рабочие и трудящееся крестьянство немецких поселений, с помощью Комиссариата выдержали большую борьбу с немецкой националистической буржуазией за власть советов, за организацию советов во всех немецких селах.

Тов. Сталин уделил огромное внимание вопросам самоопределения немецкого народа. По его инициативе был разработан и принят устав Комиссариата по делам Немцев Поволжья, где окончательно определялась роль Комиссариата и все формы его помощи немецкому народу. (См. публикуемое письмо т. Сталина т. Петровскому). Комиссариат явился организующим центром борьбы за советы, за обеспечение всех условий для образования автономной социалистической области.

Под непосредственным руководством т. Сталина развернулась борьба рабочих и трудящегося крестьянства за социалистический путь немецких районов.

А в октябре 1918 года, на втором съезде немецких советов, был оглашен декрет Совета Народных Комиссаров об образовании Автономной области немцев Поволжья.

Это был тогда первый акт практического осуществления национальной политики советской властью. И этот декрет, подписанный Лениным, подытоживающий тяжелую годовую борьбу немецкого трудового крестьянства с национальной буржуазией, борьбу за советы — открыл ясный путь «социального освобождения немецких рабочих и немецкой бедноты в Поволжье». (Декрет 19 октября 1918 г.).

Но гражданская война задержала социалистическое переустройство области и с новой разрушающей силой ударила по разоренному хозяйству бывших немецких колоний.

Здесь следует сказать несколько слов о роли и участии немецкой национальной буржуазии Поволжья. Если в период империалистической войны, пресмыкаясь перед русским самодержавием, она объявила себя заклятым врагом германского империализма, то после Октябрьской революции она сделала резкий поворот и бросилась в объятия того же самого германского империализма, который еще вчера она поносила на всех перекрестках, против которого она активно участвовала в проведении «займа свободы». И германский империализм пошел ей навстречу, включив в Брест-Литовский договор параграф о беспрепятственном выезде колонистов в Германию и беспрепятственном переводе их капиталов. Конечно, этот пункт не имел никакого отношения к трудящимся немцам. Но он имел прямое отношение к тому десятку миллионов рублей, которые шли в оккупированную Украину, расходовались на борьбу с советами и частично сосредотачивались в организованном поволжскими капиталистами банке в Берлине.

Нет сомнений в том, что и теперь, в период развернутого социалистического строительства АССРНП, бежавшая в свое время в Германию поволжская немецкая буржуазия играет не последнюю скрипку в чудовищной фашистской клевете на созидательный труд немцев Поволжья.

Ибо она видит теперь, что карта капитализма в СССР бита навсегда, ибо буржуазия всего мира не может не питать звериной ненависти к делу социалистического строительства.

* * *

Немецким рабочим и трудящемуся крестьянству, уже после провозглашения Автономной области пришлось не раз драться со своей национальной буржуазией за власть советов. Капиталисты дважды пытались организовать вооруженное восстание за захват власти в области (восстания в Привальном и на горной стороне). И когда эти восстания были раздавлены — немецкое Поволжье выступило на борьбу против Колчака и Деникина (Деникин разгромил большую половину нагорных сел).

Примкнув к революционному пролетариату, немецкие батраки и бедняки дрались на всех фронтах Советской республики, кровью защищая завоевания Октября и защищая свою молодую область.

1-ый Екатериненштадтский коммунистический немецкий полк дрался против германского империализма в оккупированной Украине.

2-ой Бальцеровский добровольческий пехотный полк дрался с Врангелем и Деникиным.

1-й немецкий кавалерийский полк, выросший позже в кавалерийскую бригаду, дрался в составе 1 конной Буденного, с Врангелем, Махно и поляками.

Екатериненштадтский пехотный батальон, включенный под Харьковом в состав 1-ой стрелковой дивизии, показал примеры неуязвимой

доблести в кровопролитных боях с Врангелем.

Немецкие районы были зажаты в огненном кольце гражданской войны. Они испытали непосредственную близость колчаковского фронта, они подвергались жесточайшим разгромам деникинских банд, по ним прошли отряды Сапожкова и, наконец, на территории Немреспублики, в течение 20 и 21 года свирепствовал жесточайший бандитизм контрреволюции (банды Вакулина, Пятакова, Антипова и др.).

Кулацкий бандитизм с необычайной жестокостью обрушился на молодые советы и партийную организацию области. Нынешние колхозники помнят, как вырезались целые семьи, имевшие хоть какое-нибудь отношение к советским работникам. В одном селе Ровном погибло от руки бандитов около 100 человек, не считая павших в бою.

Немецкая беднота, руководимая рабочим классом, вливалась в партизанские отряды, организовывала многочисленные местные отряды, давала самоотверженный отпор кулацким бандам.

Особенно памятны сейчас колхозникам партизанские бои в Голо-Карамышском уезде, который держался тогда лучше других. Маленькие отряды местной бедноты успешно отбивали атаки тысячных толп бандитов на Голый.

Но в массе своей трудящееся крестьянство немцев Поволжья было тогда организовано слабо, авангард советских сел был вырезан и тяжкие дни бандитизма вписаны кровью в историю республики.

Гражданская война и бандитизм окончательно подорвали хозяйство немецких сел. Страшный голод 1921 года застал Поволжье хозяйственно разрушенным. Посевная площадь в 1920 году упала до 620 тысяч га (с абсолютным преобладанием удельного веса ржи). Скот, на половину уничтоженный империалистической войной, составлял теперь жалкие остатки. С одной стороны он был уничтожен бандитами, а с другой — эпизоотией чумы, занесенной беженцами с юга в 1919 году.

И вот по этому-то хозяйству ударит голод 1921 года. Об ужасах этого голода написано не мало. Было тогда все: ели падаль, было людоедство, были поварные болезни, массовые опухания, голодные смерти.

Мы приведем здесь цифры урожайности:

1920 год рожь, пшеница (в килограммах)		
	51	82
1921	10	7

В 1921 году собирали лишь седьмую, десятую часть высеянных семян. Для людей поля совершенно не принесли хлеба, для скота — гуменных кормов.

За один голодный год лошадей уменьшилось на 61% (на 102 тысячи голов), конский молодняк уменьшился на 76%.

Хозяйств без рабочего скота оказалось больше половины (57,2%).

Империалистическая и гражданская войны, бандитизм и, наконец, голод привели хозяйство Республики Немцем Поволжья к такому положению, что в условиях капитализма нужны столетия, чтобы восстановить его.

Помощь государства

Годы эти были страшные, чудовищные, неповторимые. И оглядываясь на прошлое, видишь теперь всю эту величину и значение государственной помощи для голодающего Поволжья.

Районы немцев Поволжья, оставшиеся без хлеба, без семян, с остатками падающего рабочего скота, не могли и рассчитывать на озимый сев. Но страна Советов обеспечила в голодном 1921 году не только проведение сева, но и расширение озимого клина.

Осенью область немцев Поволжья получила от правительства зерновую ссуду 540.558 пудов. Для спасения скота правительство завезло в область 86.000 пудов сена, 100.000 пудов овса и других фуражных продуктов.

Была развернута широкая организация общественной помощи голодающим немецким районам и всему Поволжью. Помощь была получена от ленинградских, московских, смоленских, гомельских, брянских и других организаций. Весь пролетариат помогал тогда голодающему Поволжью.

Правда, будь в ту пору колхозы, будь крупное организованное социалистическое хозяйство — государственная и общественная помощь принесла бы гораздо более решающие результаты. В условиях социалистического сельского хозяйства вообще невозможны, исключены подобные размеры бедствия. Но тогда районы немецкого Поволжья, разрушенные империалистической и гражданской войной, представляли собой мельчайшие, разрозненные хозяйства, борющиеся со стихией в одиночку. Именно поэтому голод надолго задержался в Поволжье.

Огромную помощь оказало государство весной 1922 года и путем организации супруги, первичной производственной кооперации и всей суммой организованного влияния на хозяйство области — площадь ярового клина была доведена до 494.839 га. Вся посевная площадь по сравнению с 1921 годом была увеличена вдвое. (По сравнению же с довоенным уровнем увеличение площади было, конечно, ничтожным).

Урожайность 1922 г. из-за плохой обработки почвы, из-за того, что сеяли случайными, неакклиматизированными семенами оказалась невысокая. Рожь дала 3,61 цент. с га, пшеница — 2,26, ячмень 2,67. Общий валовой сбор по области немцев Поволжья в 1922 году составил 4.896 тыс. центнеров. Кроме того, продолжался рост безлошадности, ибо голод с особой силой ударил по конскому молодняку. Голод еще не был окончательно ликвидирован, но уже создались некоторые перспективы подъема сельского хозяйства.

Для проведения осеннего сева 1922 года и весеннего 1923 г. государством вновь была отпущена для беднейших хозяйств зерновая ссуда: 235.208 пуд. пшеницы, 21.035 пуд. овса и 314.174 пуд. ячменя. Из местных госфондов было выдано 74.000 пуд. пшеницы и 25 тыс. пудов ячменя.

Кроме того, к началу весны за счет центра закуплено для бедняцких хозяйств 1.153 лошади и на средства кооперации 200 лошадей.

Посев 22-23 года был подготовлен и обеспечен лучше, но год выдался засушливым и урожайность оказалась значительно ниже 22 года. Рожь — 1,57 с га, пшеница — 1,47, ячмень — 1,83, овес — 2,08, просо — 2,32, кукуруза — 4.

Но хозяйство уже несколько поднялось и сев 23-24 года проводился в основном семенами населения. И только для бедняцкой части государство вновь выдало ссуду 221.478 пудов зерна. Посевная площадь 24 года возросла на 11 процентов (с тем же резким преобладанием в посевах ржи).

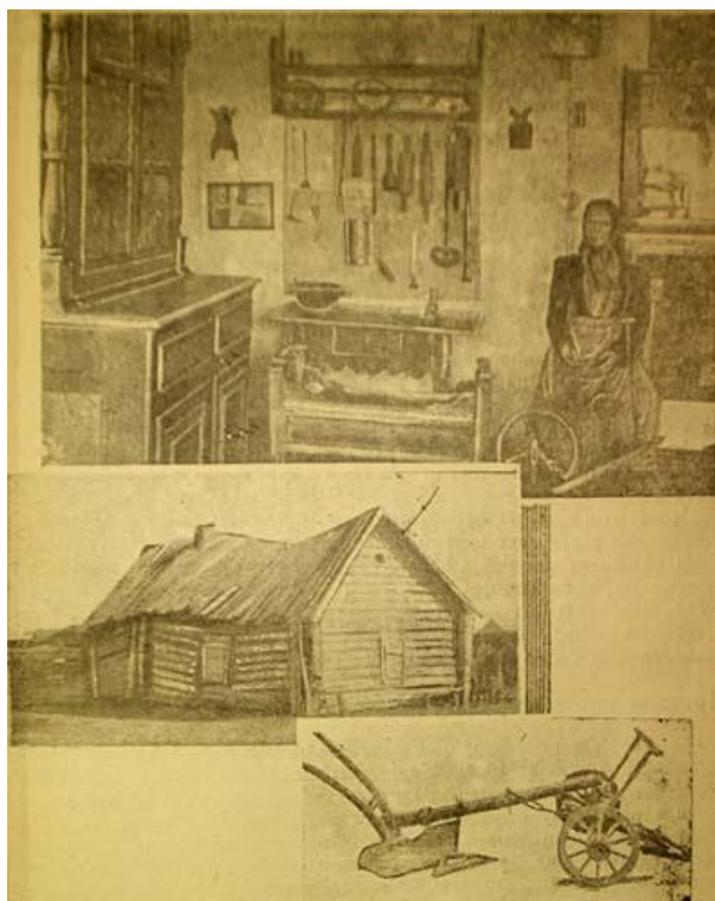
И вот вторично ударила по хозяйству области засуха. Урожай 1924 года оказался примерно таким же как и в голодный 1921 год. Рожь дала с гектара 47 килограмм, пшеница — 52, ячмень — 48. И снова костлявая рука голода протянулась к Поволжью.

Но уже не было в этот год былой паники. Систематическая помощь государства за предыдущие три года значительно укрепила сельское хозяйство области. Засуха 1924 года была встречена не разрушенным войнами хозяйством, а несколько окрепшим и более устойчивым. Засуха 1924 года была пережита республикой уже значительно легче и при помощи государства, в условиях растущей сети сельскохозяйственной кооперации, производственных объединений и большого количества новых машин, пришедших на поля республики, посевная площадь 24-25 года по всем культурам увеличилась на 32,7%, из них рожь на 34,9 и пшеница на 52,9.

И следующий сельскохозяйственный год определил уже уверенный подъем хозяйства немцев Поволжья.

* * *

Мы привели здесь только сухой перечень цифр. Но и он вновь вызывает вопрос о классовом расслоении деревни. Эту тяжелую годину, конечно, легче пережили более экономически крепкие хозяйства. В условиях новой экономической политики старое немецкое кулачество вновь подняло голову и сумело самыми различными способами погреть руки на народном бедствии. Если мы вспомним приводимые раньше цифры, то увидим, что Октябрьская революция застала в немецких колониях большую прослойку зажиточно-кулацкой группы (около 24%). Национализация земли крупных землевладельцев посевицков и передача их хозяйств бедняцко-средняцкой части населения не уничтожила кулачества, 23 и 24 годы дают естественный, хотя и ограниченный политикой советом, рост зажиточно-кулацкой части.

**Вверху –
внутренний вид дома
среднего немецкого
крестьянина до
революции,
представленный в
центр. музее г.
Энгельса. На
переднем плане
неизменная прялка.**

**В центре – старые
дома немецких
крестьян,
выстроенные после
переселения в 1764 г.**

**Внизу – деревянный
плуг старого
немецкого Поволжья
с железным лемехом.
У бедняцких хозяйств
он сохранился до
начала XX века.**

Общая посевная площадь 1924 года составляла 609.700 га или 58,6% к уровню 1916 года. поголовье скота к уровню 1916 года составляло 49%.

Беспосевных и малопосевных хозяйств к общему количеству хозяйств было около 40%; хозяйств без рабочего скота 53,2%; бескоровных – 33,5%.

Социальные группировки немецкой деревни в 1924 г. выглядели следующим образом:

По посевам		По рабочему скоту	
Крестьянских хозяйств без посева	7,4%	Без рабочего скота	53,2%
Крестьянских хозяйств с посевом от			
от 1 до 3 д.	32,5%	С одной головой	24,3%
от 3 до 6 д.	22,5%	С 2 головами	14,2%
от 6 до 10 д.	17,1%	С 3 головами	4,8%
от 10 до 16 д.	12,4%	С 4 и более головами	3,5%
свыше 16 д.	8,1%		

Количество безлошадных хозяйств к 1924 году, по сравнению с 1923 годом сократилось на 9,9%, а в 1925 году на 15,6.

Количество беспосевных сократилось в 1924 году на 10,9%, а в 1925 г. на 15,8 (дав общее число беспосевных в 1925 году 2,8%).

Это показывает, что государственная помощь была использована правильно, что действительно она была направлена на подъем бедняцкой части деревни.

Но в то же время происходил и рост врагов бедноты, кулачества, неизбежный в условиях мелкотоварного крестьянского хозяйства.

И только неуклонное проведение политики партии и советской власти, борьба за социалистическое переустройство сельского хозяйства обеспечили действительное социальное освобождение немецкой бедноты и обеспечили переход от политики ограничения кулачества к политике ликвидации его, как класса, на основе сплошной коллективизации.

Провозглашение республики

Еще в 1922 году автономная область немцев Поволжья была территориально округлена. Июньским декретом ВЦИК в состав автономной области включены русские, эстонские и татарские села и хутора, лежавшие или между немецкими селами или у границ области.

В связи с округлением области были реорганизованы кантоны, а центр перенесен из Маркштадта в Энгельс (быв. Покровск). С округлением области было найдено наиболее удачное сочетание экономических и национальных интересов, были созданы для области все условия здорового экономически цельного организма. Выросла крепкая хозяйственная единица, имеющая немалое значение для всего Советского Союза.

Определились возможности дальнейшего роста народного хозяйства, за годы гражданской войны значительно выросло политическое самосознание населения, наметились пути дальнейшего расширения автономных прав немцев Поволжья.

И 6 января 1924 года на XI областном съезде Советов была провозглашена Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья.

В постановлении съезда было написано:

«Съезд еще раз подтверждает пролетариату всего мира, что только на основе советской конституции может быть полностью и безоговорочно разрешен национальный вопрос и что конституция советской страны осуществляется не на слонах, а на деле».

Молодая республика, первая из всех автономных республик приняла свою конституцию — на III республиканском съезде советов, 31 января 1926 г.

V республиканский съезд советов 1928 г. принял решение о вхождении республики на автономных правах в состав Нижне-Волжского края, для большего укрепления экономики республики и для скорейшего развития производительных сил немецкого Поволжья.

Республика залечивает раны

Как мы видели, восстановительный период в республике, истерзанной империалистической и гражданской войной, бандитизмом, голодом и засухами начался в 1925 году.

Нужны были огромные усилия партии и советской власти, чтобы залечить эти тяжелые раны. Нужны были условия республики советов, чтобы поставить на ноги разрушенное хозяйство. Никогда условия капитализма не смогли бы обеспечить таких темпов восстановления хозяйства немецких кантонов.

Эти темпы оказались, поистине, стремительными.

Уже к 1928 году, к началу первой пятилетки, мы застаем республику достигшей почти по всем отраслям довоенного уровня хозяйства, а некоторые отрасли этот уровень явно перешагнули.

В первую пятилетку республика вступила со следующими показателями:

Посевная площадь в 1928 г. составляла 1.061.600 га — превышение по сравнению с 1916 г. на 22.200 га. Общее поголовье скота по сравнению с 1914 г. составило 103%. Крупный рогатый скот 290.150 или 117,4% к 1914 году, мелкий скот 114,2. Большой разрыв продолжает оставаться лишь по рабочему скоту, поголовье которого к 1928 году достигло 54,3%. Но этот разрыв по тяге восполнялся тракторным парком, который к концу 1928 года достиг, в переводе на лошадей, 11.300 тяговых единиц (624 трактора).

К началу первой пятилетки совершенно изменила свое лицо промышленность. Усилия партии и правительства были направлены к тому, чтобы создать в республике промышленность, полностью обеспечивающую переработку местного сырья. И мы видим, как уже к 1928 г. в республике возник целый ряд невиданных здесь доселе производств. В 1922 году выстроена табачная фабрика, в 1924 году выросла широко разветвленная молочная промышленность (изменившая в свою очередь и характер животноводческого хозяйства республики, увеличив его продуктивность). В 1926 году выстроена беконная фабрика и ряд заводов по плодоовощной переработке. В Маркштадте был коренным образом реорганизован завод «Коммунист», (быв. бр. Шефер), известный теперь всему Союзу своими двигателями.

Разбросанная, кустарная текстильная промышленность была реорганизована на началах механического ткачества.

Валовая продукция промышленности в 1928 году составила 31.124 тыс. рублей, перешагнув довоенный уровень.

Этот головокружительный подъем народного хозяйства республики

был возможен лишь в результате огромной помощи государства.

За этот период в Немреспублику было завезено огромное количество средств производства.

На с.-х. машиноснабжение правительство предоставило кредит (на период 24-28 г.г.) на сумму 2.070.600 рублей. Немреспублика была отнесена к району первоочередной тракторизации, в результате чего как мы видели, уже к 1928 году она получила 624 трактора.

Большие льготы и долгосрочные кредиты были предоставлены на приобретение рабочего скота (1.601 тыс. рублей), в результате чего было приобретено до 18 тыс. голов рабочего скота. Процент безлошадных хозяйств снизился до 37% (вместо 53 в 1924 г.). Группа однолошадных хозяйств поднялась до 28% (вместо 24) и двухлошадных до 20,5% (против 14).

Огромную роль в деле восстановления хозяйства сыграли: семенная помощь, широкие землеустроительные работы и борьба за агротехнику. Всего с 1921 г. по 1928 г. государством было отпущено семенной ссуды для бедняцко-средняцких хозяйств - 6.435 тыс. пудов. В результате на 1928 г. в республике создан неприкосновенный семенной фонд 820.000 пуд., охраняющий бедняцко-средняцкое крестьянство от неурожаев и стихийных бедствий.

Правда, за этот же период можно наблюдать продолжающийся некоторый рост кулацко-зажиточной части немецкой деревни, но немецкая беднота, поддержанная пролетарским государством, уже была подготовлена к решающим боям с эксплуататорской верхушкой.

Ибо благодаря непосредственной организующей помощи пролетариата за эти годы выросла и окрепла производственная кооперация, вырос социалистический сектор сельского хозяйства республики.

На 1928 год уже в 106 населенных пунктах республики были организованы колхозы (не считая простейших производственных объединений). Всего насчитывалось 209 колхозов, обрабатывающих 38.206 га земли и 10 совхозов с площадью 19.873 га.

Основная масса тракторов — 209 была сосредоточена в колхозах; 160 — в с.-х. кооперативных товариществах; 62 - в бедняцких группах и 90 - в машинных товариществах.

Колхозы в Немреспублике уже становились изведанной, проверенной формой хозяйства и бедняцко-средняцкие хозяйства немецких кантонов потянулись к широкой дороге коллективизации.

III. Республика нарастающей мощи

Раздавленная клевета

Весь этот тяжелый и славный путь от бесправных колоний к социалистической республике мы вспомнили с сегодняшними колхозниками за вкусным полевым завтраком.

Путь этот помнят не только в Ремлере, он памятен каждому немецкому рабочему и колхознику. Но тяжкие годы этого пути все больше и больше начинают забываться в нашу радостную пору социалистической стройки. Германские фашисты, выдумав дурацкую клевету о «притеснении немцев Поволжья», заставили немецких колхозников лишней раз просмотреть этот путь, пройденный к республике, вспомнить былой каторжный труд на сегодняшних зарубежных благодетелей.

И колхозники легко восстановили в памяти пережитое. Многотысячными протестами против наглой клеветы ответили они завравшейся фашистской своре. Борьбой за досрочную уборку и хлебосдачу, за превращение колхозов в большевистские, успехами борьбы за зажиточную жизнь — ответило колхозное крестьянство.

Показом невиданных достижений социалистической стройки раскрыли они перед рабочим классом всего мира мощь социалистической республики немцев Поволжья.

И вот они лежат перед нами эти бескрайные поля, навсегда освобожденные от кабалы и социального неравенства. 2320*) тракторов волею пролетариата пришли на них, чтобы обеспечить колхозному крестьянству тучные урожаи и зажиточную жизнь, 40 машинотракторных станций переделывают облик старой немецкой деревни.

Тысячи новых школ, клубов, библиотеки и университеты возникли на месте церковно-приходских школ и поповского шамканья. Десятки тысяч кружков агрономической и зоотехнической учебы помогают колхозникам строить социалистическое хозяйство.

Мировой гигант — мясокомбинат вырастает в центре республики, в Энгельсе. Новые тысячи рабочих встали к станкам новых предприятий. На собственной производственной базе в Гуссенбахе достраивается гигант — овощеконсервный завод, с годовым выпуском 22 миллиона банок консервов.

Их не скроешь, этих достижений республики. Их не утаишь и в фашистском мешке. Они развертываются диаграммами покоряющих цифр, уничтожая любую фашистскую клевету.

Возьмем промышленность...

В 1913 году на территории республики имелось 60 промышленных предприятий (вспомните их кустарный характер), общей энергетической мощностью в 3200 киловатт.

К 15-летию АССРНП энергетическая мощь республики составляет 23.350 кВт. Она распределяется по следующим действующим предприятиям:

78 промышленных предприятий -	4400 кВт.
2320 тракторов	- 17900 кВт.
3 коммунальных сети	- 1050 кВт.

*) В МТС и совхозах.

По отношению к 1913 году энерговооруженность республики выросла до 730%.

По отношению к 28 году (результаты первой пятилетки) до 498%.

Интересно проследить за глубоким изменением всего характера энерговооруженности республики.

Нет и помина от былой кустарной промышленности, рассчитанной на внутреннего потребителя, мелкого хозяина. Нынешняя социалистическая промышленность, основанная прежде всего на местных, неизмеримо возросших ресурсах сырья, начинает полностью обслуживать крупное хозяйство и растущие потребности хозяина этих крупных хозяйств — рабочего и колхозника.

Некоторые же кустарные производства, дающие колхозникам дополнительные доходы, например, производство соломенных изделий («Прима») и др., вырастившие кадры искусных мастеров — самоучек, окружены внимательной заботой и помощью. Такие производства охвачены сетью кустарных промысловых артелей и являются подсобными отраслями в колхозах.

Мы уже говорили о вырастающих гигантах, о реконструкции ряда заводов, но это далеко не все.

Был, например, выстроен в 1912 году в Покровске костяной завод. Перерабатывал он 720 тыс. пудов кости в год. Кость собирали для завода со всех окраин Поволжья. К концу империалистической войны завод был законсервирован. После гражданской войны он был вновь пущен. Производительность его достигла к 1927 году довоенного уровня, но оборудование к этому времени полностью износилось. Неминуемо встал вопрос о том: либо коренным образом реконструировать завод, либо строить новый. И республика приступила к стройке нового.

Сейчас в Энгельсе достраивается новый, основанный на современной технике костяной завод, мощностью в 20 тыс. тонн кости. Энгельский костяной завод будет теперь третьим крупнейшим в СССР пунктом по выработке клея, после Ленинграда и Москвы, при чем преимущественно его перед другими заводами заключается в том, что здесь на месте можно получать дефицитную соляную кислоту из Эльтонской или Баскунчакской соли.

С окончанием строительства мясокомбината, который охватит сырьевую базу Немреспублики и всего Заволжья (суточный забой комбината будет составлять 400 голов крупного рогатого скота, 1000 овец и 1500 свиней) в Энгельсе вырастет новый кожзавод и вместе с костяным заводом это составит единый мощный промышленный комплекс, который будет давать стране мясо, кожу и клей.

Нет, никакого запаха хищнической кустарной промышленности не остается в республике. Мелкая раздробленная промышленность прошлого стала неузнаваемой.

В Энгельсе из маленькой литейной мастерской вырос завод банно-прачечного оборудования.

В Бальцере на месте дряхлой мастерской возник завод «Рабочий» по изготовлению насосного оборудования и ремонту с-х. машин.

В селе Grimm ремонтная мастерская с-х. машин превратилась в хороший машиностроительный завод «Рекорд», который приступил к станкостроению.

В 1932 году реконструирована и расширена махорочная фабрика в Маркштадте. Производительность ее доведена до 275 тыс. ящиков махорки (ящик 20 кг).

Мы уже говорили о молокообработывающей промышленности. Рост её необычайно нагляден. Раньше сыр «Бакштейн», делали в незначительном количестве только у меннонитов. А уже в 24 году в 9 селах возникло 9 сыроваренных заводов.

В 1932-33 году мы застаем уже 89 маслосыроваренных заводов с переработкой 12114 тонн молока и с товарным выходом 435 тонн перво-классного масла и 605 тонн сыра. Из 300 опорных молочных пунктов Союза, выделенных Наркомснабом, 4 приходится на АССРНП.

Из сказанного выше мы видим, что некоторые производства, отвечающие потребностям мелкого товарного хозяйства, ликвидированы, на их месте выросли новые, крепкие предприятия, нужные крупному хозяйству, отвечающие плановому началу социалистического народного хозяйства.

Эта эволюция особенно показательна на примере развития и роста крупнейшего в республике металлургического завода «Коммунар» (в Маркштадте).

До революции это был маленький завод, изготавливающий простейшие сельскохозяйственные машины и ремонтирующий их. Новые гиганты заводы, выросшие в Советском Союзе обусловили полную ненужность такого кустарного производства. Завод, стал нащупывать новую производственную линию и нашел ее в производстве маломощных двигателей для судоходства и различных производственных отраслей колхозов и совхозов.

В 24-25 году конструктор Мамин разработал проект 12-сильного трактора «Карлик» и завод принял этот проект к производству, оборудовав тракторный цех и выпустив около 12 тракторов типа «Карлик». Но растущее колхозное строительство скоро показало ошибочность этой производственной линии завода, которая в конечном счете ориентировалась на старую мелко-собственническую деревню. Завод прекратил выпуск тракторов «Карлик» и на основе конструкции двигателя Мамина решительно переключился на единственно правильный свой производственный путь, - на выпуск двигателей для судоходства и сельского хозяйства.

Производством этих двигателей, крайне необходимых в народном хозяйстве, завод стал знаменит. Двигатели «Коммунара» можно найти во всех районах нашей страны, они идут и на экспорт. В портфеле же завода — многочисленные отзывы потребителей о качестве двигателей «Коммунара», ставящие их выше японских.

В 1913 году завод выпустил продукции на 430 тыс. рублей, на нем было занято 300 рабочих. В 1932 году продукция завода выросла на 4230 тыс. рублей, а количество рабочих до 700.

В 1931 году Союздизель установил плановое задание на реконструкцию и расширение завода, с общим годовым выпуском 300 тыс. лошадиных сил (судовые и стационарные бескомпрессорные двухтактные двигатели 12-24 л. с.). В 1932 году начато осуществление первой очереди реконструкции для доведения мощности завода с 14.400 л. сил (1931 г.) до 45.000 в 1933 году.

Былого завода бр. Шефер нет уже давно. Расширенный и перестроенный еще к началу первой пятилетки он давно зажал в угол заводского двора новыми многочисленными своими корпусами два старых облупленных корпуса братьев Шефер. В одном из этих древних корпусов в бывшем главном цехе — теперь подсобная заводская кузница, в другом — ремонтный цех. Рабочие показывают теперь посетителя как музейные редкости эти развалины — темные, душные, похожие на тюремные камеры. Работающие в новых светлых цехах, они сами перестают верить, что когда-

то по 12 часов в день не разгибали спины в этих казематах.

Новый гигантский механосборочный цех вырос сейчас на территории завода. Он похож на оранжерею. Высокие стеклянные потолки льют бесконечные потоки света. Здесь будет сердце нового завода — механосборочный конвейер. Здание цеха уже совершенно закончено. Оно готово к установке оборудования. Оно готово к приему старых квалифицированных рабочих завода, перед которыми корпуса «Коммунара» развернуты показательной диаграммой наших побед, побед республики.

...Или возьмем сельское хозяйство

Или приглядимся к этим бескрайним полям, вздыбленным тракторами.

Мы уже видели, что в советских условиях восстановление разрушенного сельского хозяйства произошло с необычайной быстротой. Уже к 1928 году оно достигло довоенного уровня. Но мы видели и этот нищенский уровень, эти истощенные «довоенные» поля с хищническим уничтожаемым плодородием. Мы видели армии батраков и нищих, перечеркивающих линию этого далекого уровня.

Ниш и невысок был уровень, возвращенный капитализмом.

И мы видим теперь, куда, к каким показателям привела трудящееся крестьянство широкая колхозная дорога. Былые батраки и бедняки уверенно встали на путь к зажиточной жизни, а многие из них достигли этой жизни уже в 1933 году, в результате большевистской пятилетки.

89 тысяч мелких раздробленных хозяйств объединены в 352 колхоза. Посевная площадь на одно хозяйство выросла по сравнению с 1928 годом в два с половиной раза (вместо 5-13 га). Колхозный трудодень стал тучным, зажиточным трудоднем. Республика выполняет сейчас решение партии и правительства об обеспечении каждого колхозника коровой и мелким скотом. В 1932 году передано колхозникам с ферм: телят 873, поросят 3571, ягнят 2400. В 1933 году передается 14000 телят, 3047 свиней, 5150 овец.

Вся посевная площадь нынешней республики в 1914 году составляла 1.295.600 га. Основная масса этой земли принадлежала крупной немецкой буржуазии и кулакам. В 1933 году общая посевная площадь достигла 1.518.700 га, причем 86,2% этой площади засеивается колхозами, то есть бывшими батраками, бедняками и середняками.

Нет больше и хищнической эксплуатации земли. Качество посевов, качество обработки почвы поднялось неизмеримо высоко. Впервые за всю историю немецких переселенцев, сельское хозяйство республики переходит на правильный севооборот, разрешающий практически осуществить все достижения агрономической науки.

Мы видим сейчас мощь социалистического сектора, обеспеченного новейшими машинами, высотами агротехнической науки, квалифицированными кадрами — идущего к новым победам, под мудрым руководством большевистской партии и ее вождя товарища Сталина.

Немреспублика, одна из первых вступила на путь механизации сельского хозяйства. Уже в 1928 году была организована с-х. кооперацией первая тракторная колонна (в селе Шентале). В первый же год работы этой колонны посевная площадь в обслуживаемых ею колхозах увеличилась вдвое. И уже тогда колхозное крестьянство увидело покоряющую силу тракторных отрядов, руководимых большевиками.

В 1930 году было создано 5 МТС с-х. кооперацией, с тракторным

парком в 173 трактора и 5 МТС Трактороцентра в 190 тракторов.

В 1931 г. количество тракторных станций было доведено до 23, а в 1932 г. (к концу года) 39 МТС с парком в 1143 трактора и 58 грузовых машин.

Значение и организующая роль работающих МТС уверенно возрастает. МТС в Немреспублике становятся подлинными рычагами социалистической перестройки деревни.

В 1933 году снова увеличивается количество тракторов и к осеннему севу в колоннах МТС работает уже 1826 тракторов с общей мощностью 26.631 лошадиных сил. Кроме тракторов к этому же времени работает в МТС 162 комбайна и 177 автомашин. Земельная территория 274 колхозов, обслуживаемых МТС составляет 1.338.500 га.

В этом же 1933 году в МТС Немреспублики пришли отряды проверенных большевиков, пришли политотделы, созданные по инициативе т. Сталина и обеспечившие уже в этом году невиданные победы колхозному производству.

Первая в Союзе МЭС (машинно-электрическая станция) работает в Немреспублике. Она выросла из опытного электрифицированного участка, организованного в 1929 году на полях колхоза «Коминтерн». Невиданный электроплуг вступил на немецкие поля.

Теперь несколько слов о совхозах.

В итоге первой пятилетки на полях Немреспублики выросли 27 крупных совхозов союзного значения и 4 местных совхоза. Общая земельная территория, занимаемая совхозами (удобная и неудобная) составляет 5.300 тыс. га. По отношению ко всей посевной площади республики посевная площадь совхозов составляет 20%. Абсолютное большинство совхозов выросло буквально на голом месте. Неисчислимые трудности вставали на пути их строительства. Классовый враг не раз пытался вредить растущей производственной мощи совхозов. Но несмотря на все эти трудности, в ожесточенной классовой борьбе совхозы республики сумели занять ведущую роль в сельском хозяйстве республики. Такие совхозы Немреспублики, как «Спартак», выполнивший в 1933 году первым в Н-Волжском крае и республике план зернопоставок и показавший примеры образцовой организации хозяйства, — такие совхозы уже известны всему Советскому Союзу.

К концу первой пятилетки посевная площадь совхозов доведена до 1.300.000 га (превышение против 1928 г. в 14 раз). Количество тракторов в 1933 г. доведено до 510. На полях совхозов работает 400 комбайнов.

Неизмеримо выросло и продуктивное совхозное животноводство.

Крупного рогатого скота насчитывается в совхозах (конец 32 г.) - 24.695 голов; свиней 19.445 и овец 9885 голов.

По сравнению с 1928 г. совхозное поголовье выросло: по крупному рогатому скоту в 49 раз, по свиньям в 80 раз и по овцам в 4 раза. В 1932 году **совхозами республики было сдано государству около 100.000 центнеров зерна, 6800 центнеров скота и 23.760 центнеров молока.**

В 1933 году политотделы повели совхозы в бой за еще более высокие показатели, за еще более высокий выход товарной продукции.

* * *

Изменился весь производственный облик сельского хозяйства республики. Высоко возросла роль животноводства, бывшего совершенно заброшенным до октября. По производственному районированию Немреспублика относится к зерно—животноводческим районам СССР.

Соответственно этому определяется и внутреннее ее производственное районирование. Сельское хозяйство республики уже теперь дает лучшую по качеству в Союзе пшеницу и мясо рабочим центрам.

Социалистическое крупное хозяйство получило теперь все возможности организованно бороться с засушливым климатом, со стихийными бедствиями. Уже в первой пятилетке развернута была широкая борьба за овладение высотами агротехники.

Площадь зяби в 1932 году была доведена до 440 тыс. га, а чистые пары до 85 тыс. га. Осуществлена была полная очистка семян, введен рядовой сев и т.д.

Одним из важнейших достижений в борьбе за высокие урожаи является развернутая работа по семеноводству, по массовому выращиванию высококачественных культур. В 1928 году и результате большой семеноводческой работы «Альбидумом» и «Белотуркой» был засеян массив в 60 тыс. га, а в 1930 г. чистосортные семена вышли на сплошные колхозные массивы.

В результате мы видим растущую урожайность зерновых. За период 25-28 гг. озимая рожь дала средний урожай 4 центнера с га. За 29-33 — 4,6 центнеров. Яровая пшеница за 25-28 гг. — 4 центн. за 1929-33 г. — 4,3 центн. В 1933 году во многих колхозах и совхозах урожайность зерновых поднимается до 10 и выше центнеров с га. И нет сомнения, что переход к правильным севооборотам и практическая повседневная борьба с сорняками, потерями и вредителями сельского хозяйства, разрешимая лишь в условиях крупных социалистических хозяйств — обеспечат еще несравненно более высокие урожаи и окончательную победу над засухой.

В жесточайшей борьбе с остатками разломленного кулачества значительно поднялись все качественные показатели колхозного хозяйства.

Выросло и окрепло колхозное животноводство. К концу первой пятилетки выросла уже мощная сеть животноводческих колхозных ферм. К началу 1933 года в республике насчитывается 651 колхозно-товарных ферм. Из них: мясомолочных - 195, с поголовьем 36.327 голов, свиноводческих - 156, с поголовьем 1.985; птицеводческих — 125, с поголовьем 51.530.

Выросли в колхозном производстве совершенно новые отрасли товарного и племенного животноводства: 32 коневодческих фермы с поголовьем 1.768 голов; 110 овцеводческих с поголовьем 55.854 и 33 кролиководческих товарных фермы.

И вот еще несколько цифр растущей продуктивности колхозного животноводства.

В 1918 году средний выход молока на одну корову в немецких районах составлял от 7 до 9 центнеров. В 1931 году удой коровы товарной фермы поднялся до 12 центнеров, а в 1932 до 13,3 центнера.

В 1933 году удой коровы доведен до 20 центнеров. Государственное задание по сдаче молока выполнено на 1 августа 1933 г.

Примерно такой же рост продуктивности можно наблюдать и по другим колхозным фермам.

В 1933 году в республике работает 7 инкубаторно-птицеводных станций с общей мощностью в 550 тысяч яйцемест. При инкубаторных станциях имеются батарейные цехи, которые уже приняли промышленный характер. Инкубаторные станции достигают высоких показателей продуктивности. Так Энгельсская станция дает 65% выхода цыплят.

В Немреспублике организован ряд опытных станций, изучающих пути дальнейшего подъема продуктивности сельского хозяйства. Красно-

Кутская ведет работу по повышению продуктивности полеводства в условиях засушливого земледелия, Валуйская – орошаемого. Вопросы животноводства разрабатывает станция им. Энгельса, огородничества – питомники – Варенбургский и им. проф. Мейера.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства создала широкие возможности для подъема и развития технических культур.

По сравнению с 1928 годом площадь посева подсолнуха возросла на 40%. Огромный рост дало развитие табаководства. Площадь посева табака превышает довоенную в два раза и посевы 1928 года на 77%. До войны районами распространения табака были лишь Маркштадтский и Мариентальский кантоны. Теперь табачными посевами охвачены 2/3 районов республики. Общая площадь посевов табака достигает пять с половиной тысяч га.

Для всех этих новых отраслей социалистического крупного хозяйства республика подготовила из бывших бедняков и батраков армию квалифицированных кадров.

По системе тракторцентра за последние 2 года подготовлено 8.680 механиков, трактористов, комбайнеров, рулевых, штурвальных.

По Наркомземовской системе за эти годы подготовлено 400 заведующих фермами, 225 техников-животноводов, 490 веттехников и санитаров, 1.245 доярок, 875 кормильщиков.

Тысячи колхозников учатся сейчас в техникумах и школах, в агротехнических и зоотехнических кружках, овладевая техникой крупного социалистического земледелия.

* * *

Цифры эти рассказывают, что широкая дорога к зажиточной жизни проложена организующим воздействием пролетариата и его партии, вступление в зажиточную жизнь обеспечено огромной материальной помощью пролетарского государства. МТС — мощные отряды города переустраивают старую мелкособственническую деревню. Политотделы МТС за короткий срок своей работы сумели очень высоко поднять авангардную роль деревенского коммуниста, сумели выявить и сколотить подлинный колхозный актив на борьбу за большевистские колхозы. Борьба еще далеко не завершена, недостатков еще очень много в колхозах Немреспублики, но многочисленные факты колхозной действительности уже со всей очевидностью рассказывают о большевизации нынешней немецкой деревни, о решительных успехах партии, одержанных в борьбе за большевистские колхозы.

И на многочисленных примерах мы видим этот наглядный рост большевиков, уже научившихся работать по новому уже умеющих на каждом большом и маленьком участке колхозного строительства высоко нести знамя партийной принципиальности, умеющих не на словах, а на деле выполнять железную партийную дисциплину, беспощадно отражать выпады классового врага, руководить массами колхозников. Большевик, овладевший искусством руководства массами - прямое следствие новых принципов построения и работы нашей партии в колхозной деревне.

Вот как рассказывают, например, сами колхозники о роли политотдела в своем колхозе «Эренфельд» (Красно-Кутский кантон):

«Если раньше для кандидатской группы колхоз был чем-то отдаленным, то теперь он стал очагом развернутой партийно-массовой работы. Нет ни одного решения партии и правительства по колхозному строительству, которое бы не стало известно колхозникам Эренфельда, за

проведение в жизнь которого не боролся бы каждый колхозник. Такой боевой колхозной ячейкой помог нам стать политотдел.»

И мы видим эту действительно крепкую работу ячейки.

«16 стариков привлекла ячейка к работе в поле... Не найдешь на полях заброшенных колосьев... В колхозе 150 ударников... Ячейка ввела черные и красные доски, черные флажки и т.д. ...

Все члены ячейки расставлены на конкретных производственных участках и отвечают за них. Из 7 членов ячейки непосредственно на производстве— 5... Свои заседания ячейка проводила в бригадах, с активом, с колхозниками, ставились самые насущные вопросы»...

Работники политотдела постоянно в колхозе. «Они вникают в каждую мелочь колхозной работы, дают советы, помощь, указывают, что сделать, а потом проверяют выполнение».

В результате: пшеница в колхозе дала 6 ц. с га, колхоз одним из первых выполнил план зернопоставок, Эренфельд победил в межколхозном соревновании.

А ячейка в колхозе молодая: «В 1921 году на хуторок за селом, где жили коммунисты, налетели бандиты. Погибла вся группа. И только в 1932 году вновь организовалась кандидатская группа».

И мы видим, как под умелым руководством эта молодая ячейка сумела уже занять подлинно-авангардную роль в производстве своего колхоза.

Или вот пример Палласовской МТС, сообщенный «Труд. Правдой»:

«Политотдел добился не только по форме перестройки в деле расстановки партийных сил, т. е. обеспечения каждой колхозной бригады коммунистом или комсомольцем, он проделал большую работу над тем, чтобы эти коммунисты и комсомольцы были достойными представителями политотдела в бригаде. И абсолютное большинство партторгов действительно являются вожаками бригад, людьми, вокруг которых политотдел выковывает широкий беспартийный актив колхозников».

Парторг Кельн в первой бригаде Ней-Галкинского колхоза добился организации звеньевой работы, ликвидации обезлички в использовании рабочего скота, добился нового отношения к труду и перевыполнения производственных заданий. Парторг Гетце в франкрейхском колхозе своим личным примером ударной работы поднял трудовой энтузиазм колхозников всей бригады.

Прививая колхозникам сознание необходимости подлинно— социалистического отношения к труду, путем массово-разъяснительной работы, политотдел помог колхозам и бригадам практически организовать соревнование, повседневно руководя ходом соревнования, вдохновляя его, поднимая на все более высокую ступень.

Практикуются совместные кратковременные слеты ударников соревнующихся колхозов, где и проверяется взаимно выполнение договоров, осуществляется обмен опытом работы, предупреждаются ошибки и недочеты. И все больше в ходе соревнования из общей массы выдвигаются передовики, ударники, активисты. На слете соревнующихся между собой Штрасбургских колхозов №1 и 2 рядовой колхозник-ударник Лоренц горячо призывал собравшихся «держаться еще несколько дней, держаться дружно. Ведь мы — говорил он — с шестнадцатого на первое место вышли». Это далеко не единичный случай.

Политотдел Палласовской МТС ввел специальные облигации, по которым учитывалась выработка отдельных ударников. Причем систематически выполнявший нормы получал премию, которая выдавалась

каждую пятидневку. Эта форма целиком себя оправдала, после ее применения многие колхозники, выполняя раньше норму на 90—95 проц., доводили потом выработку до 180—200 проц.

Практикуются производственные совещания по конкретным злободневным вопросам отдельно с табельщиками, конюхами, скидальщиками. Каждое из них дает новый опыт, находит дополнительные возможности к усилению и улучшению той или иной работы. На совещании поварих в Франкрейхе изыскан целый ряд дополнительных возможностей улучшения питания колхозников в поле, введена более разнообразная пища, улучшено питание ударников.

Политотдел по настоящему, конкретно руководит работой каждой отдельной бригады. Отстающим бригадам посылались специальные письма политотдела, игравшие большую мобилизующую роль в ликвидации прорыва. Практиковалось обращение персонально к старикам отстающих бригад.

Организовал политотдел и помощь отстающим бригадам.

Для улучшения качества работы организованы инспекции качества. В последнее время политотдел вводит еще дощечки, устанавливаемые на участках, на которых указывается, кто и когда работал на данном поле,

Классовый враг пытается вредить на каждом колхозном участке. Пытались и в этом году ставленники классового врага напасть на колхозам. В Штрасбурге в колхозе № 2, несмотря на исчерпывающие разъяснения политотдела, правление колхоза (председатель Фельк) начало выдачу авансов по 700 грамм на трудодень, вместо возможных 400—500 гр. Когда это было отменено, в колхозе пытались с другого конца извратить принципы выдачи авансов, начав авансировать всех колхозников поровну по 400 грамм, мотивируя это тем, что, мол, «в колхоз пришли новые люди и их нельзя обидеть, а то они уйдут». В Н-Галкинском колхозе № 2, в течение 7 дней также выдавали, вместо авансирования, поровну по 700 грамм печеным хлебом. В этом колхозе, чтобы тормозить хлебосдачу и авансирование, восстанавливать таким образом колхозников против колхоза и мероприятий партии и правительства, кулак Франк, пробравшийся в бригады, всячески затягивал и срывал обмолот.

Решительное, беспощадное разоблачение происков подрывной работы классового врага и оппортунистов в организации хлебосдачи и авансировании помогло политотделу, вместе с колхозной ячейкой, четко провести авансирование в строгом соответствии с директивами партий, поднимая тем самым в еще большей мере трудовой энтузиазм колхозников на темпы и качество уборки, на усиление хлебосдачи.

«В результате уже к 25-му сентября, два колхоза, обслуживаемых Палласовской МТС, полностью выполнили обязательства по хлебосдаче государству. Весь район МТС по всем вилам выполнил задание на 96 проц. и полностью сдал хлеб по обязательствам, натуроплате, семсуде и 2-х проц. отчислениям в общем количестве 24.762 цент. еще до 1-го октября. План сева ржи выполнен еще к 20 сентября на 88,8 проц.»

Подобных примеров огромного влияния политотделов и колхозных партийных организаций на всю колхозную работу, примеров того, как практически ведут коммунисты колхозников на борьбу за большевистские колхозы и зажиточную жизнь, примеров победы новых принципов построения партийных организаций — очень много.

И цифры, и факты побед республики — это факты борьбы и побед за генеральную линию партии, это могучее свидетельство непобедимости партии, «которая знает куда вести дело и не боится трудностей». (Сталин).

...Или возьмем, наконец, культуру

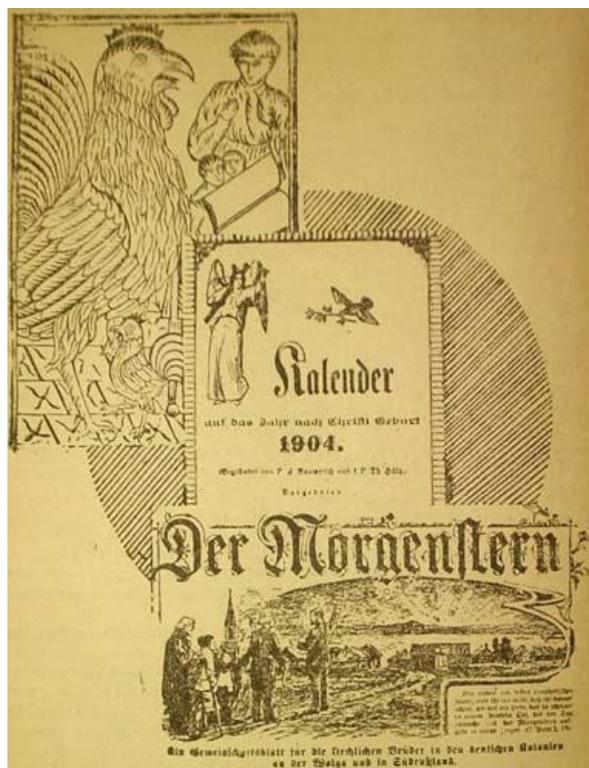
Если по сельскому хозяйству или промышленности у нас есть какие-то довоенные показатели, с которыми можно сравнивать сегодняшнее республике, то в области культуры нет, по сути дела, никаких этих «довоенных показателей».

Культура Республики Немцев Поволжья выращена социализмом, выращена буквально на голом месте.

Достаточно сказать, что до революции на территории Республики Немцев Поволжья было всего 207 учителей, а уже к 1919 году число учителей возросло до 1 275. Это значит, что только за два года Октября мы видим рост до 616%. А в 1933 г. учительский персонал насчитывает армию в 2516 чел.

Нечего и говорить поэтому о сегодняшних соотношениях. Все участки народного просвещения и культурного строительства росли самой головокружительной быстротой и никогда невиданным размахом.

А по огромному количеству областей просто нет никаких былых показателей, чтобы выводить проценты.

"МАССОВАЯ" ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРЫ БЫВШИХ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ.

Вверху – "Петушок", бывший больше ста лет единственным учебником начальных церковных школ.

В центре - самый распространенный календарь в быв. немецких колониях – единственная "массовая" книжка старых немецких сел. Издавался духовенством и под его нажимом накапливал популярность.

Внизу – обложка духовного журнала для средних слоев читателей.

Это и есть вся "литература" дореволюционных немецких сел.

Свыше 10 тысяч немецких студентов обучается сейчас в национальных высших и средних школах. Ничего этого, конечно, до революции не было. В Энгельсе - центре республики существуют комвуз, с/х институт и пединститут.

Республика создала при Госплане научно-исследовательский институт, разрабатывающий экономические проблемы народного хозяйства. В сельском хозяйстве, как мы уже видели, работает ряд научных опытных станций по важнейшим вопросам земледелия.

Проведено обязательное семилетнее обучение. Все дети республики охвачены школами. Проклятое пятно капитализма – неграмотность немцы Поволжья стерли навсегда. Неграмотность в АССРНП ликвидирована.

В республике сейчас 3 ВУЗ'а, 18 техникумов, 393 школы первой ступени и 160 школ повышенного типа.

И разве можно нынешние деревенские школы сравнить с былыми церковными и земскими, в которых царил знаменитый поповский немецкий букварь «Петушок», где школьники занимались чуть ли не при лучине, откуда изгонялся немецкий язык, где царила полицейщина и мордобитие. Новые сельские школы, оборудованные в прекрасных помещениях, высокие, светлые и чистые - законная гордость республики.

До революции у немцев Поволжья, как правило, своей печами не было. Если она иногда и появлялась, то была необычайно беспомощной. Основной печатью был церковным календарь на немецком языке, который призван был удовлетворять все духовные запросы трудящегося крестьянства. Лишь в апреле 1917 года все немцы постановлением кулацко-поповской конференции немцев колонистов — были обложены по 10 коп. с души для издания газеты на немецком языке. На эти деньги стала издаваться реакционная «Саратовская немецкая газета», защищавшая интересы попов и фабрикантов. И в это же время в Марксштадте возникла анархистско-меньшевистская и эсерствующая газета «Колонист» с двумя лозунгами: на одной стороне: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и на другой — «В борьбе обретишь ты право свое».

И только в 1918 году на месте «Колониста» стал издаваться большевистский «Коммунист», а в Саратове «Форвертс» — орган немцев-социалистов. Обе эти газеты в 1919 году были объединены в единую большевистскую «Нахрихтен», которая существует и до настоящего времени.

Теперь немцы Поволжья имеют две республиканских газеты: одна на немецком языке «Нахрихтен» и другая на русском «Трудовая правда». Кроме этого в республике - десятки кантонных, политотдельских, совхозных и колхозных газет, широкая сеть низовой печати в колхозах.

Республика имеет и свое издательство, начинающее обслуживать книгой всех немцев Союза.

В Энгельсе вырос государственный музей и большая центральная библиотека. Широкой сетью изб-читален, клубов, народных домов обросли колхозы и заводы республики.

Никогда немцы Поволжья не мечтали о своем театре. Теперь в Энгельсе растет и крепнет национальный немецкий театр.

В республике выросла национальная художественная литература. Оргкомитет союза Советских Писателей АССРНП насчитывает уже немало достижений национального художественного творчества. Имена писателей Баха, Эльберта, Шелленберга и др. становятся известными далеко за пределами республики.

Изменился и самый внешний облик городов республики. Прямо-то

говоря, никаких городов до революции на территории республики не было. Были села: Покровск, Екатериненштадт, Бальцер. Теперь вырос промышленный город Энгельс, подстроились Бальцер и Марксштадт.

Выросли в Энгельсе столичные здания комвуз'а, с/х. института театра, поликлиники, педагогического института, строительного техникума и т. д.

Все это такая покоряющая навь, о которой старой области немцев Поволжья не мечталось.

И самое главное заключается в том, что во всех этих новых зданиях, во всех этих культурных центрах выросла новая национальная по форме и социалистическая по содержанию культура.

Она служит рабочим и колхозникам, она — один из мощных рычагов строительства социализма, она призвана обслужить неизмеримо выросшие культурные запросы немецких рабочих и зажиточных колхозников.

Вот она — зажиточная жизнь

Смеющаяся, белозубая Эрнестина встречает нас на пороге свинарника. Она приглашает осмотреть свое копошащееся, визгливое, гладкотелое хозяйство.

Мы хотим переступить порог свинарника. Белые зубы Эрнестины обнажаются еще больше, она протягивает руку.

— Нет, нет, так нельзя. С вашей машины вы принесете моим пороссятам какую-нибудь заразу. Подождите немножко.

Мы ждем. Один из свинарей приносит раствор нафталина и обливает порог свинарника. Мы вытираем ноги о жидкий этот половичек и Эрнестина разрешает, наконец, переступить порог.

В свинарнике час обеда. Чавканье, хрюканье и довольное сопенье обступает нас со всех сторон. Гладкие тела многопудовых животных тяжело ворочаются вокруг кормушек. Глупые, розовые пороссята залегли прямо в кормушки и чавкают вкусное месиво. Эрнестина нагибается, хлопает их по жирным, круглым спинам и прогоняет прочь.

Я считаю пороссят. У крайней, улучшенной англичанином матки, копошатся 8 веселых малышей. К густым соскам следующей прилипло шесть. Дальше опять 7. Меньше шести я не насчитывал ни у одной матки.

- У нас опорос хороший, — говорит Эрнестина. Она смеется. — Ведь нам свинаркам когда начисляют трудодни, подсчитывают, сколько мы пороссят вырастили.

Муж Эрнестины работает здесь же на ферме. Двое они уже выработали на 1 сентября 350 трудодней. Об этом нам гордо сообщает сама Эрнестина.

- Хлеба много, мясо и молоко есть, пороссятами меня уже премировали. Хорошо будем жить. Только ведь мы и в прошлом году не плохо жили.

Это видно по форме, по четырем просторным свинарникам, по всему этому дисциплинированному, высокотоварному колхозу.

Не во всяком совхозе встретишь такую опрятную, видимую в каждой мелочи чистоту, как на свиноводческой ферме колхоза «Бекердорф». Даже дощечки, на которых написаны клички и возраст свиней светятся подчеркнутой своей свежестью. В проходе между стойлами не найдешь ни соломинки. Кормушки, даже заваленные сейчас кормом не потеряли своей белизны и свежести. Это потому, что после каждого завтрака, обеда и ужина они тщательно очищаются от остатков пищи и моются. Опрятны и белотелы

сами обитатели этих прекрасных свинарников. Легко нагуливают они здесь жирные свои килограммы и центнеры.

На ферме 109 маток и 4 производителя.

Ферма - осязаемый результат колхозного благополучия и сытости.

«Бекердорф» далеко по республике славится своим товарным животноводством. Кроме свиноводческой колхозники имеют:

и молочную ферму (210 голов);

и овцеводческую (459 голов);

и птицеводческую (1 521 гол.);

и кролиководческую (357 голов);

и даже в самое последнее время создана племенная коневодческая ферма на 32 головы. Приобретен собственный производитель орловец.

Это ли не жизнь!

Но это не все. Колхоз добился в этом году урожая по пшенице около 7 центнеров с га. Рожь — 6,5 цент. А 648 га сверххранного сева пшеницы дали от 8 до 9 центнеров. Сеяли «Белотурку».

Колхозный трудодень в Бекердорфе весит 7,4 кг. Но этот вес трудодня много тяжелее по сравнению с другими «семикилограммовыми» колхозами. Хозяйство Бекердорфа трудоемкое. У него зябь, чистые пары, большие огороды, фермы. Годовой план колхоза по трудодням - 125 тысяч трудодней, из этого расчета и получается 7,4 килограмма.

Яков Яковлевич Шмидт, рядовой колхозник полеводческой бригады с семьей в 8 человек (из них 6 рабочих) вырабатывает в этом год) около тысячи трудодней или 7 400 кг хлеба. Правление колхоза собирается хлебный обоз отправить на квартиру к Якову Шмидту. Раньше он был бедняком, была одна лошадь и не было коровы.

В этом году он становится окончательно зажиточным колхозником.

В этом году в колхозе исчезли лодыри. Их нет, высокая трудовая дисциплина главенствует на всех участках колхозного дела.

Только одного лодыря смогли назвать колхозники Бекердорфа. Но он уже по сути дела не колхозник. Правление приняло решение об исключении его из колхоза. Это Давид Вальтер – посмешище всего Бекердорфа. Он выработал только 80 трудодней. За ряд невыходов на работу он исключен из колхоза.

Все обязательства перед государством «Бекердорф» выполнил полностью и досрочно.

Ссыпано уже на элеватор 6 430 центнеров по хлебосдаче.

Возвращена семссуда прошлого года – 155 центн.

Выплачена натуроплата МТС – 2 337 центнеров.

Засыпан двухпроцентный фонд – 129 центнеров.

Засыпаны семена.

Секретарь ячейки рассказывает нам о подготовке к зиме, о встрече выросших запросов зажиточных колхозников.

К 15-летию республики открывается отстроенный заново колхозом народом, выстроена баня, отремонтирована школа, завершена ликвидация неграмотности, разворачивается широкая сеть политических и агротехнических кружков. Выросла партийная ячейка, к 15 членам ячейки прибавилось 16 сочувствующих.

— Думаем, по окончании обмолота, — говорит секретарь ячейки, — провести конференцию зажиточных колхозников по вопросу перестройки всей культурной работы. Материально наш колхозник очень вырос. Уже в этом году он стал зажиточным. И новые его запросы нельзя уже обслужить старыми формами культурной работы. Думаю, что с нашим политотделом мы и

здесь свернем горы.

Да, с политотделом Маркштадтской МТС можно свернуть горы.

Это в районе Маркштадтской МТС средний урожай по зерновым около 6 ц с га.

Это Маркштадтская МТС сдает государству в 1933 г. с 52 тысяч га посева 21 тысячу центнеров зерна по натуроплате.

И это в той же Маркштадтской МТС политотдел добился предельной нагрузки на старые изношенные тракторы, добился наиболее правильного сочетания в колхозах живой тягловой силы с трактором.

Нагрузка на одну тягловую единицу (в переводе на лошадь) в Маркштадтской МТС достигает 16,6 га.

И Маркштадтская МТС и колхозники Бекердорфа заслуживают отдельной, особой книги, где были бы показаны все их незаурядные, всесоюзные достижения, где были бы обстоятельно показаны лица этих скромных тружеников, пламенных ударников социалистических полей.

И, конечно, она будет написана — эта книга.

А сейчас мы предоставим слово самим колхозникам-ударникам Бекердорфа, слово пламенного протеста против наглой фашистской клеветы, заслушаем речь колхозников немецкой республики, обращенную к пролетариату всего мира.

ДОЛОЙ КРОВАВЫЙ ФАШИЗМ — РОТ ФРОНТ! *)

(Письмо ударников-колхозников Бекердорфа в редакции газет «Нахрихтен» и «Трудовая правда»).

С возмущением мы узнали, что германские фашисты ведут бешеный клеветнический поход против нашего социалистического отечества Советского Союза, утверждая, что мы, немцы Поволжья, обречены коллективизацией на бедствия и нищету.

Наглые фашисты делают вид, будто они не знают, что мы осуществляем поставленную нашим вождем тов. Сталиным перед нами задачу — сделать в ближайшее время всех колхозников зажиточными. Могут ли вожаки фашистской банды поставить перед крестьянами Германии такую практическую цель? Нет. Этого они никогда не смогут, ибо их режим на том и существует, что миллионы рабочих и крестьян голодают и нищенствуют.

В то время, когда наши братья по классу в Германии действительно голодают, когда десятки, сотни их вынуждены идти на самоубийство, у нас в Советском Союзе миллионы трудящихся успешно борются за практическое осуществление поставленной тов. Сталиным цели и достигают ее.

Вот наше хозяйство. Оно неуклонно растет. В 1930 году мы засевали 3.844 гектара, а в нынешнем году мы имеем уже 4.543 гектара, из них 3.946 гектаров зерновых культур, 337 гектаров пропашных, 185 гектаров овощей и картофеля и 70 га табака.

На много возросла урожайность. В 1933 году мы имели урожайность 3,52 цнт. с гектара, в прошлом году мы убрали 5 цнт. с гектара, а в нынешнем году, благодаря хорошему качеству работы и беспощадной борьбе против врагов колхоза, которые пытаются воровать урожай, мы уберем не менее 6 цнт. с гектара.

В соответствии с этим возросла и натуральная часть дохода, которую каждый колхозник получал на трудодни. В 1930 году мы выдали по 1,4 кг, в

*) «Трудовая правда» № 15, от 14 июля 1933 г.

прошлом году 2,3 кг, то в нынешнем году мы распределим не менее чем 7,4 кг на трудодень.

Это значит, что после выполнения государственного задания по хлебосдаче, после засыпки семян, каждое семейство наших колхозников в среднем получит 42 цнт. зерна. Ясно, что такое количество зерна нам для собственного потребления не нужно и мы сможем значительную часть этого зерна продавать на советском базаре.

Но это только часть наших успехов. Три года назад в нашем колхозе было 53 коровы, 294 свиньи и 176 овец. Сегодня же мы имеем молочно-товарную ферму с 210 молочными коровами и 108 штук молодняка, имеем овцеферму с 459 овцами и ягнятами, птицеферму – 1.521 птицы, кролиководческую ферму с 357 кроликами, свиноферму. А наш колхоз не лучший и не крупнейший в кантоне, он объединяет только 231 хозяйство. Этих громадных успехов мы достигли только благодаря правильной политики и активной помощи нам коммунистической партии и правительства, в частности помощи нам через МТС.

Посмотрите на наши соседние колхозы, на колхозы села Боаро и Маркштадта. Колхоз села Боаро имеет 9.244 гектара посева и сумеет распределить не менее 21.000 цнт. между своими колхозниками. В Маркштадтском колхозе, кроме племеноводческой фермы, кроме 300 лошадей имеется посев в 5.598 гектаров, этот колхоз выдаст на трудодень не менее 4 кг. Даже в худшем колхозе нашего кантона, колхозе с. Обермонжу после выполнения государственных заданий по хлебосдаче остается 7.000 цнт. зерна для распределения между 127 хозяйствами.

Можно просмотреть один колхоз за другим в нашей республике и легко убедиться, что больше половины наших колхозников не через два года, а уже в нынешнем году станут зажиточными.

Вполне понятно, что и у нас имеются свои трудности, трудности нашего роста, трудности, которые мы быстрыми темпами преодолеваем. Вполне понятно, что у нас имеются такие, которые не имеют достаточно хлеба, но это такие люди, которые не хотят работать, которые имеют в колхозах мало трудодней, которые являются лодырями, прогульщиками. Это – такие люди, которые тормозили нашу работу. Наш социалистический закон гласит: «кто не трудится, тот не ест».

То, что фашистские газеты сейчас начали дикий рев о мнимой нужде, о мнимом голоде «немецких братьев на Волге», показывает, насколько слаба капиталистическая система хозяйствования, показывает, насколько безуспешны попытки фашистов вывести Германию из тупика. Эта травля показывает, что фашисты хотят заглушить правду о развале германского хозяйства.

Безработицы и кризиса мы не знаем, в войне, для преодоления трудностей мы не нуждаемся. Своих угнетателей мы прогнали и теперь строим бесклассовое общество и никому не позволим помешать нам.

Насколько хороша новая жизнь в колхозах доказывает и наш культурный рост. Что раньше было только мечтой, стало в нашем колхозном селе действительностью. Мы имеем в своем селе семилетку с хорошим школьным хозяйством. Школьное хозяйство имеет 2 гектара посева, имеет свиней, коров, лошадей, кроликов, при школе имеется собственная мастерская. Для своих детей мы имеем детские ясли и детскую площадку. Как вы видите, мы хорошо заботимся о наших детях. Где в Германии заботятся так о детях трудящихся крестьян. В своем селе мы безграмотность — это проклятое наследство капиталистической системы, которую фашисты так старательно хотят нам опять навязать — полностью ликвидировали. А

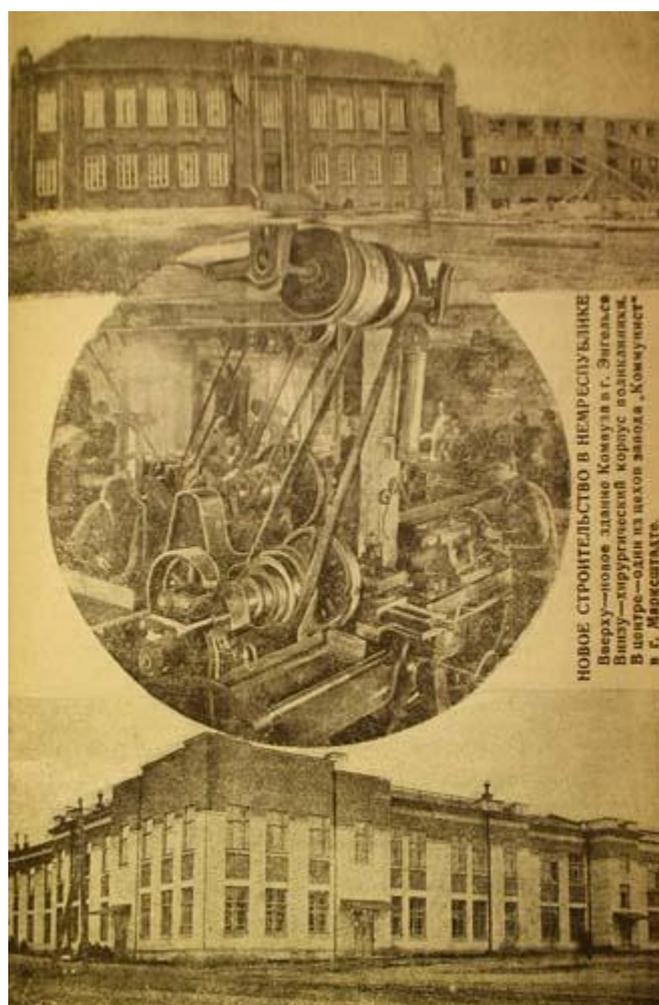
до революции 40 проц. населения нашего села не умело ни писать, ни читать. Наша церковь, по постановлению общего собрания крестьян села, перестроена в народный дом. Так превращается наше село, из темного, отсталого, бескультурного в культурное колхозное село.

На клевету германских фашистов мы ответим досрочным выполнением обязательств по хлебосдаче, усилением борьбы против лодырей, прогульщиков и воров колхозного имущества, за большевистские колхозы, за зажиточных колхозников.

Долой кровавый фашизм, долой Гитлера! Да здравствует коммунистический Интернационал — единственный защитник интересов трудящихся во всем мире. Да здравствует вождь мирового пролетариата тов. Сталин! Да здравствует нарастающая мировая революция.

— Рот фронт!

Колхозники: Шиллер, Рейс, Беккер, Лир, Филиппи, Эбердт, Балгер, Конради, Шмидт, Кутчер, Шредер, Рау, Финк, Ремпе, Миллер, Дам, Гейт, Фрейдт, Шмидт и другие.

НОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В НЕМРЕСПУБЛИКЕ
Вверху—новое здание Комвуза в г. Энгельсе
Внизу—хирургический корпус поликлиники
В центре—один из цехов завода „Коммунист“
в г. Маркштадте.

НОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В НЕМРЕСПУБЛИКЕ.

Вверху – новое здание Комвуза в г. Энгельсе.

Внизу – хирургический корпус поликлиники.

В центре – один из цехов завода "Коммунист" в г. Маркштадте.

СОДЕРЖАНИЕ:

От автора	3
-----------	---

I. Про батраков и нищих

Экзотика в Заволжье	4
Вместо 14—24	5
Еще немного цифр	6
Об известности Ремлера и о зажиточной жизни	6
«А каждый по килограмму — обеднеет»	8
«Das Brot hat kaum ausgereicht»	11

II. От колоний к республике

Страницы далекого прошлого	15
«Право сильного»	16
Характер хозяйства	18
Под угрозой изгнания	19
Автономия в огненном кольце	21
Помощь государства	25
Провозглашение республики	28
Республика залечивает раны	29

III. Республика нарастающей мощи

Раздавленная клевета	31
Возьмем промышленность...	32
... Или возьмем сельское хозяйство...	34
... Или возьмем, наконец, культуру	41
Вот она зажиточная жизнь	44

Приложение:

Декрет Совнаркома об образовании Автономной области Немцев Поволжья	50
---	----